

Матвей Курилкин

Охота на охотника

Матвей Курилкин

Охота на охотника

«Автор»

2025

Курилкин М.

Охота на охотника / М. Курилкин — «Автор», 2025

Убивать одержимых все сложнее. Мало того, что они становятся хитрее и опаснее, Акселю приходится столкнуться с противодействием на всех уровнях - власти, журналисты, а порой и простые люди ставят препоны охотникам. Ужас и безумие по капле просачивается в Пенгверн. Кровавые расправы над жителями учащаются, и обвинить в этом уже готовы охотников. Необходимо выяснить, кто тот кукловод, который стоит за всем происходящим. Вот только противник остается в тени, действуя руками марионеток.

© Курилкин М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Дом призрения для душевнобольных	5
Орктаун	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Матвей Курилкин

Охота на охотника

Дом призрения для душевнобольных

Акселю было больно. А еще он был очень зол. Только что санитар грубо заломил ему руки за спину и, отвесив оплеуху, заставил повалиться на колени. Второй санитар, пользуясь временной дезориентацией пациента, ловко натянул ему через голову рубаху, руки еще сильнее выкрутили, натягивая на них длинные рукава, после чего рукава перекрутили на спине и, наконец, завязали спереди.

– Поднимайся, падаль, – прикрикнул один, когда они закончили процедуру. Подниматься с колен, когда руки связаны сзади, не так-то просто, особенно с непривычки, однако санитары не собирались делать скидок на беспомощное состояние пациента. Посчитав, что он слишком медлителен, молодому человеку отвесили несколько пинков, после чего все-таки помогли – вздернули на ноги одним мощным рывком и, приложив дополнительно об стенку, пинками послали куда-то по коридору. К этому моменту Аксель уже перестал сомневаться в правильности своего решения ввязаться в эту авантюру. Теперь его переполняла всепоглощающая злость. Он, конечно, знал, что заведения, в которых содержатся скорбные разумом, – это далеко не дома отдыха. Знал, что попадают в эти заведения далеко не самые приятные граждане Пенгверна, ведь чтобы попасть в дом призрения, мало быть обычным, тихим умалишенным – с содержанием безобидных юродивых справлялись родственники, если таковые находились. Нет, в специализированные заведения для умалишенных чаще всего попадали те, кто в силу своих заболеваний могли нанести реальный вред окружающим. Те, чье сознание было затуманено болезнью, те, чей недуг принимал порой страшные формы. «И все равно, так обращаться с теми, кто не отвечает за свои поступки, – низко, – думал Аксель, пока его вели по грязному коридору, стены и пол которого были забрызганы чем-то бурым. В коридоре омерзительно пахло, охотник пытался дышать ртом, спасаясь от зловония, хотя, как он заметил, сопровождающих отвратительный запах не смущал. – Эти ублюдки просто упиваются своей властью!»

Акселя заставили остановиться, сопровождающий позвенел ключами, выбирая нужный, и дверь открылась. Охотника втолкнули в кабинет.

– Так-так, кто тут у нас? – улыбка у человека, сидевшего за столом, была неприятная. Вроде бы ничего необычного, вот только в глазах было плохо скрываемое презрение пополам с равнодушием. – У нас тут новенький! Ну что ж, мы всегда рады, когда наш дружный коллектив пополняется очередным постояльцем! Меня зовут Антон Оберг, и я надеюсь, что нас с вами, молодой человек, ждет долгое и плодотворное сотрудничество.

После этих слов лекарь принял от одного из санитаров сопроводительные бумаги и углубился в чтение. Аксель знал, что там написано, поскольку принимал живейшее участие в составлении собственного анамнеза:

Пациент Аксель Лундквист, мужчина, 24 года. Полезным для общества трудом не занят по причине болезни. Закончил общеобразовательную школу, дальнейшего обучения не проходил.

Больной поступил в связи с обострением состояния, недобровольно. Инициаторами обращения выступили соседи, которые утверждают, что больной считает себя охотником, а окружающих одержимыми. Пытается следить за соседями, неоднократно совершал попытки нападения на граждан, используя подручные предметы.

Объективно:

Больной немногословен, находится в возбуждении, к окружающим относится враждебно. Свой недуг отрицает, проявляет завидную изворотливость. Агрессивен. Предварительный диагноз – параноидальный бред...

Анамнез занимал несколько страниц, однако доктор не стал вчитываться в бумаги слишком внимательно. Бегло пролистав коллективное творчество нескольких охотников, он удовлетворенно заключил:

– Ну что ж, мне все ясно. Думаю, для начала испробуем некоторые экспериментальные методики моей разработки, ну а если это не поможет, можно будет вернуться к традиционным методам лечения. Назначим холодные обливания и обертывание простынями, змеиную яму, а в крайнем случае, испробуем лоботомию. Но мы ведь постараемся не доводить до столь радикальных методов, правильно, милейший?

Аксель, который понятия не имел, что такое лоботомия, предпочел согласиться. Он так же слабо представлял себе, как именно его собираются лечить холодным душем и, тем более, змеиными ямами, но догадывался, что лечение не будет приятным. И если лоботомия – это еще более радикальный способ, то он хотел бы обойтись без него. Впрочем, значение непонятного слова он потом узнал – нашлось, кому объяснить. Охотник уже начал сомневаться, что устроить проверку в психиатрической клинике, пробравшись туда под видом пациента, было хорошей идеей. Впрочем, решение изображать ненормального с самого начала вызывало у него сомнения.

За семь лет, прошедших с того времени, как он узнал, что обладает способностями охотника, Аксель имел достаточно возможностей убедиться, что его странный дар – не такая уж надежная штука и часто дает сбои. Размышляя о сути своего сверхъестественного чутья, молодой охотник определил правила, по которым, ему казалось, он работает. Уничтожив десятки одержимых, он пришел к удивившему его самого выводу, что он чувствует вовсе не одержимых, не сами эти странные сущности, которые по непонятной причине появляются в горожах. Спустя годы Аксель понял (и это подтверждалось наблюдениями других охотников), что он чувствует страдания, ауру боли и мучений, которая сопровождает каждого одержимого. Именно поэтому охота бывала успешной только после того, как тварь, вселившаяся в человека, совершит свое первое убийство. Эта теория подтверждалась и другими фактами, например, никто из охотников почти никогда не посещал площадь зрелищ и увеселений, на которой происходили публичные казни – просто потому, что всем им казалось, будто где-то рядом находится объект их охоты. Именно поэтому им столь трудно было работать в Чумном районе – одной из тех заброшенных частей города, где почти не бывало обычных людей, но, тем не менее, время от времени появлялись одержимые. Именно поэтому история знает несколько случаев, когда охотники убивали обычных серийных убийц, не являвшихся одержимыми в классическом понимании термина, но имеющих на своем счету большое количество жертв. Странно, что возле обычных больниц ощущения близкой беды не возникало. Может быть, оттого, что помимо страданий пациенты испытывали надежду... Но не так было в случае с домами призрения. Впервые Аксель обратил внимание на эту несообразность несколько лет назад, в то время, когда он еще считался учеником охотника и выходил на промысел со своей наставницей, гра Монссон. Тогда во время поисков очередного одержимого Акселю показалось, что ему удалось что-то почувствовать, и он уверенно направился к большому мрачному четырёхэтажному особняку, окруженному садом. Ида тогда остановила его и объяснила, что здание это – дом для умалишенных и что одержимых там нет, а то, что он чувствует – просто сбой способностей охотника, характерный для этого места. Тогда Аксель удовлетворился объяснениями и надолго забыл об этом месте. Он и теперь не вспомнил бы о том случае, если бы, случайно оказавшись возле клиники, не почувствовал, что неприятные ощущения от соседства с учреждением стали гораздо более выраженными. Тогда как раз был период небольшого затишья, когда работы было не слишком много, и охотник решил провести инспекцию. Что

его заставило прикинуться больным вместо того, чтобы просто заявиться с проверкой, Аксель не мог объяснить даже значительно позже. Его бывшая наставница, с которой он поделился своими планами, только пальцем у виска покрутила, когда услышала, однако отговаривать не стала, справедливо считая, что Аксель достаточно взрослый, чтобы, по ее выражению, «самостоятельно расхлебывать последствия собственной придури». Аксель, услышав такой комментарий, был совершенно доволен – если бы охотницу саму не заинтересовало происходящее, ее комментарии были бы гораздо более ядовитыми.

После разговора с доктором Акселя вывели из кабинета и препроводили в камеру – иначе это помещение было не назвать. Крохотное, полтора шага на два, обитое мягкой тканью, покрытой разводами, подозрительно напоминавшими плохо затертую кровь, с маленьким мутноватым окошком под самым потолком, забранным решеткой, оно само по себе навевало тоску и безысходность. Кровати не было, да она бы и не поместилась, но даже на полу нельзя было лечь, вытянувшись во весь рост – длины помещения не хватало, ноги упирались в стену. От мысли, что здесь придется провести какое-то время, Акселю захотелось побиться головой о стены.

– И это несмотря на то, что я здоров, – прокомментировал свое состояние охотник вполголоса. – Если может считаться здоровым человек, по доброй воле явившийся в эту душегубку.

Впрочем, долго оставаться в камере не пришлось, вот только радоваться этому тоже не получалось. Аксель попытался немного ослабить рукава своего смиренного жилета, который никто не подумал с него снять, прежде чем водворить в камеру, когда пол под ногами резко ушел в сторону и юноша куда-то провалился – он не успел даже закричать, как оказался в ледяной воде. Охотник судорожно задергался, пытаясь приподнять голову над поверхностью, чтобы сделать вдох. Безуспешно. Намокшая одежда тянула ко дну, связанные за спиной руки были бесполезны, легкие заливала вода, которую он вдохнул от неожиданности. Он не успел даже почувствовать отчаяния от близкой смерти, когда ощутил удар по спине, затем еще один, а затем нечто вздернуло его над водой за руки, так и остававшиеся связанными за спиной, и Аксель оказался подвешенным над водой. Из рта потоком текла вода, глаза слезились, в ушах стучала кровь. Когда он смог осознавать происходящее, то обнаружил, что пол в камере уже вернулся на место, а знакомые санитары освобождают крюк, которым цепляли его за рукава, чтобы вытащить из воды.

– За что?

– Тебе же доктор сказал, урод, экспериментальная методика. Холодный душ и мокрое обертывание одновременно, – доброжелательно объяснил санитар.

– И что, это помогает?

– А это уж доктору лучше знать, – фыркнул работник и убрался из комнаты, не забыв захватить крюк. Мокрую одежду с охотника так и не сняли.

Утро Аксель встретил сидя в углу в луже, натекающей с одежды, привалившись спиной к двери. За ночь его еще трижды роняли в воду – последние два раза это перестало быть неожиданным, но приятнее от этого не было. Аксель десять раз проклял тот день, когда ему пришла в голову идея заявиться в клинику. Через неделю его должны были вызволить – так они договорились с Идой. Но теперь он уже не был уверен, что сможет выдержать эту неделю.

К доктору его повели еще до того, как окошко в стене камеры посветлело. Аксель больше не реагировал на тычки, которыми его награждал санитар, все силы уходили на то, чтобы оставаться на ногах. Психиатр, к которому привели Акселя, имел вид, совершенно довольный жизнью и окружающим. Он ласково смотрел на мокрого и измученного пациента, прихлебывая горячий чай из чашки в мелкий синенький цветочек, после каждого глотка утирая губы салфеткой. Его халат просто светился белизной – в противовес всей остальной клинике – грязноватой, наполненной отвратительными запахами и эманациями страданий и безысходности. Вдоволь налюбовавшись на новичка, гро Оберг отставил чашечку и спросил:

– Ну что же, милейший, вам по-прежнему кажется, что, – доктор заглянул в бумаги, лежащие на столе, – все окружающие являются одержимыми и хотят вас замучить?

Аксель подумал, что если бы написанное было правдой, его мысли за прошедшую ночь имели бы все шансы получить убедительное подтверждение. Высказывать эти соображения охотник не стал, просто отрицательно покачал головой:

– Нет, доктор, теперь я понимаю, что заблуждался.

– Ай, какой молодец! – обрадовался врач и взглянул на санитаров: – Посмотрите, коллега, какой успех имеет наше лечение! Пациент начал проявлять естественную хитрость и изворотливость, характерную для здравомыслящего человека. Положительная динамика налицо! Будем продолжать лечение! Пожалуй, нашего любезного Акселя можно даже поощрить – не стоит забывать о методике положительного подкрепления. Днем продолжаем водные процедуры, а на ночь будут новые назначения.

«Интересно, и как я собираюсь что-то выяснять, если меня будут круглые сутки держать в камере-одиночке? – размышлял Аксель, пока его вели назад. – Если так пойдет дело, то к концу своего недельного заточения я и в самом деле рехнусь – от недосыпания, прежде всего». Поспать ночью так и не удалось – помешал холод и ожидание очередного падения в воду, и хотя подолгу не спать охотнику случалось и раньше, оптимизма такие мысли не прибавляли.

Акселя снова водворили в камеру, забросив вместе с ним кусок черствого хлеба. Развязать руки ему так и не удалось, и в ответ на вопросительный взгляд, брошенный Акселем на санитаров, те только расхохотались. Они не спешили закрывать дверь, собираясь понаблюдать, как он будет пытаться есть предлагаемый завтрак. Аксель решил, что не настолько голоден, чтобы устраивать для охранников бесплатное развлечение, и проигнорировал «угощение». Такое пренебрежение ужасно разозлило санитаров, и, прежде чем закрыть дверь, один из них сильно пнул Акселя в живот – охотник едва успел напрячь мышцы, и все равно, если бы желудок не был пуст, его содержимое после удара оказалось бы на полу.

Лежа на боку, подтянув колени к груди, Аксель пытался как-то осмыслить происходящее. Определенно, то, что происходило в клинике, было неправильно. Аксель не был доктором, но он был уверен, что подобные методы лечения не принесут больному пользы. Охотник четко понимал: не знай он, что его пребывание в лечебнице в любом случае закончится через неделю, от такой терапии его сознание бы уже помутилось. Ни о каком лечении не было и речи.

В Пенгверне было много больниц, специализировавшихся на лечении психических заболеваний. Но по-настоящему крупных – всего три. В каждой из них было примерно одинаковое количество пациентов – около тысячи разумных, преимущественно людей. И от каждой из этих трех клиник несло знакомой жутью – Аксель проверял. Только рядом с клиникой Королевской Надежды, в которой сейчас находился охотник, ощущения были гораздо острее. Аксель очень жалел, что не знает методов лечения, которые практикуются в остальных двух учреждениях, ведь если столь «прогрессивные» методики появились только здесь, то, скорее всего, чутье охотника просто отреагировало на усилившиеся страдания пациентов. «Если это действительно так, – думал Аксель, – значит, я зря добровольно отправился в эту клоаку. То есть, конечно, эти издевательства надо прекратить, никто не должен испытывать такой безысходности, даже безумцы. Но я-то должен ловить одержимых, а не пресекать деятельность докторов-садистов!» Невольно охотник начал надеяться, что все, что с ним происходит, характерно для каждой из трех лечебниц Пенгверна. Не потому, что он желал зла пациентам – не хотелось, чтобы его собственные мучения были напрасны.

По поводу своих дальнейших действий Аксель тоже испытывал некоторые сомнения. Он мог бы освободиться. За ночь и за утро ему удалось немного расшатать крепления рукавов, так что резкого рывка они не выдержат... Можно дожидаться, когда его опять поведут к доктору или еще куда-нибудь, освободиться, обезвредить санитаров и, возможно, даже сбежать. Для опытного охотника два человека, не ожидающих нападения, особых проблем не составят. Вот

только тогда вся его затея окажется напрасной. Не убегать из больницы, а попытаться спрятаться на ее территории, чтобы заняться поисками, возможно, отсутствующего одержимого? Тоже бессмысленно. С таким же успехом он мог устроить официальную инспекцию – охотнику бы не отказали. Аксель сам несколькими днями раньше объяснял Иде, что это бесполезно – жалоб от докторов из клиники не поступало, а беседовать с душевнобольными, находясь в ипостаси охотника, не имеет смысла. Сейчас он был уверен в этом даже больше, чем раньше. Любой, в ком осталась хоть капля разума, будет говорить все, что угодно, лишь бы выбраться из лечебницы. Нужно было стать местным, чтобы раскрыть здешние секреты. Однако с этим, как теперь выяснилось, могут возникнуть проблемы. Как втереться в доверие к другим пациентам, если тебя держат в камере-одиночке? Так и не придя к какому-то определенному решению, Аксель решил потерпеть еще. И это решение его неожиданно успокоило. Охотник смирился с неизбежным. Охота, в конце концов, это не только погоня, но и долгое ожидание.

И как будто мучители ждали, когда пациент возьмет себя в руки, – стоило Акселю вернуть душевное равновесие, как пол снова ушел у него из-под ног и он оказался в воде. Только в этот раз охотник был готов. Извернувшись, он оттолкнулся ногами от дна и вынырнул, даже не наглотавшись воды. Купание тут же закончилось, его снова подцепили крюком и выдернули из воды. Успевшая подсохнуть одежда снова намочила, но Аксель не позволил себе замерзнуть. Лежа на полу, он по нескольку минут делал нечто вроде зарядки, напрягая поочередно все мышцы, разгоняя по ним кровь, после чего несколько минут лежал в покое, пока не почувствовал, что начинает засыпать. Открытие это его удивило, но бороться с сонливостью Аксель не стал, позволил себе задремать. Долго он не проспал, проснувшись в тот момент, когда снова полетел в воду, но после очередного купания точно так же разогрелся и снова начал задремывать. Аксель начал привыкать и уже жалел, что не подобрал хлеб, который ему бросили санитары – теперь краюха плавала где-то в бассейне под полом, и добраться до нее не было никакой возможности.

Аксель не знал, сколько прошло времени, и впал в какое-то медитативное состояние, поэтому не сразу отреагировал, когда дверь его палаты раскрылась и на пороге появились санитары. Впрочем, последние быстро заставили его прийти в себя, пинками заставив пациента подняться. На этот раз к доктору его не повели – гро Оберг появился в палате сам.

– Я вижу, молодой человек, вы уже вполне освоились, – констатировал врач, оглядев Акселя. – Что ж, думаю, мы можем наше лечение продолжить. Мы ведь не хотим, чтобы вы адаптировались к нему и перестали реагировать, правда? Так что думаю, нам стоит разнообразить процедуры. Вижу, что вас заинтересовали мои слова, – обрадовался доктор, заметив, как напрягся Аксель, хотя охотник изо всех сил старался не показать, как его напугали слова гро Оберга. Как ни крути, а испытывать на себе новые издевательства Аксель не хотел.

Следующие несколько часов слились для охотника в одну нескончаемую пытку. Аксель пытался успокаивать себя, он убеждал себя, что необходимо просто перетерпеть, но продолжать держать себя в руках становилось все сложнее. Пожалуй, никогда за всю жизнь Аксель не чувствовал такой беспомощности. Когда его в сопровождении санитаров ввели в мрачное помещение, облицованное грязным кафелем, Аксель даже обрадовался. Впервые за время пребывания в клинике он увидел других пациентов. Вдоль стены стояли четыре стула, подлокотники которых были оснащены фиксирующими металлическими кольцами. Три из них были уже заняты. Двое мужчин и одна девушка сидели, прикованные за руки и за ноги, и с ужасом смотрели на вошедших. Акселю стало страшно видеть их лица – такого всепоглощающего страха ему раньше видеть не доводилось. Акселя усадили в кресло, защелкнув наручники на руках и ногах, а потом санитары под руководством врача прикрепили к его голове электроды. Только теперь Аксель обратил внимание на большую динамо-машину, расположенную в углу помещения. Доктор поспешил подтвердить его догадку:

– Что ж, вы, господа, уже все знаете, но я повторю для нашего новичка. Этот аппарат, который вы видите перед собой, называется динамо-машина. Новейшая гномья разработка, эта машина вырабатывает электрический ток. Говорят, эта сила родственна той, что возникает при ударе молнией, только, конечно, намного слабее. Поразительно, как далеко зашел разум в познании и покорении природы! Уверен, наши великие научные умы скоро превзойдут магов древности, поставив природу на службу разумному! Впрочем, я отвлекся. Для нас важным является тот факт, что по гипотезе, высказанной одним из моих коллег, электрические ряды помогают лечить множество психических заболеваний. Я эту гипотезу проверил и могу с уверенностью заявить, что электрошоковая терапия во многих случаях действительно дает положительный эффект! – Глаза врача заблестели от восторга. – Дорогой Аксель, ваши товарищи по несчастью уже успели в этом убедиться, посмотрите, какой радостью светятся их лица в предвкушении очередной процедуры!

Аксель покосился на бедолаг, сидевших в соседних креслах. Он ощутил некоторое недоумение – было непонятно, где гро Оберг разглядел энтузиазм. Один из мужчин молча пытался вырвать руки из оков, другой отчаянно бился головой о спинку кресла. Девушка сидела, уставившись на врача, ее губы беззвучно шевелились, будто она что-то яростно доказывала неизвестно кому, а может, обращалась к высшим силам, как это делали разумные раньше, когда боги еще не покинули этот мир, – сказать точно было нельзя. На мгновение молодой человек засомневался в собственных способностях к физиогномике, но потом до него дошло, что доктор просто издевается! Взглянув в глаза врача, он убедился окончательно – впервые он видел настоящую эмоцию на лице своего мучителя, и эмоция эта была откровенно садистская.

Обдумать эту мысль охотник не успел. Доктор подошел к динамо-машине и собственноручно принялся вращать тяжелый маховик, отчего все мысли из головы Акселя исчезли, а сам он задергался в оковах, не в силах справиться с собственными мышцами.

Пытка продолжалась несколько часов. Сначала Аксель пытался сдерживаться, но потом его голос присоединился к голосам товарищей по несчастью. В те моменты, когда доктор на несколько минут останавливал машину, Аксель смотрел на него. Тогда он не мог осознать увиденное, но потом, придя в себя, охотник понял, что гро Оберг не скрывал искреннего удовольствия от того, что видел. По покрасневшемуся от усилий лицу мучителя стекали капли пота, волосы слиплись в сосульки, но доктор все никак не хотел прекращать своего «лечения».

Окончания сеанса Аксель не запомнил. Он так и не потерял сознания, но осознавать происходящее перестал. Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем он очнулся, но когда это произошло, Аксель обнаружил, что местоположение его изменилось. Комнаты с динамо-машинной больше не было, но и в уже ставшую привычной одиночную камеру его не вернули.

Аксель очнулся от того, что по его лицу ползла муха. Он почувствовал щекотку, поморщился и открыл глаза. Муха, возмущенная этим движением, взлетела, но далеко убраться не смогла – Аксель лежал в стеклянном ящике, похожем на гроб. Этот факт заставил его в первое мгновение запаниковать, опасаясь, что началась очередная пытка – на этот раз удушьем, но, сфокусировав взгляд, молодой человек обнаружил, что в стенках достаточно отверстий для того, чтобы воздух циркулировал. Сейчас Аксель не был связан, однако радость от этого факта оказалась преждевременной – ящик действительно по форме и размерам напоминал гроб, двигаться в нем было невозможно. Еще один приступ паники настиг охотника, когда он сообразил, что не помнит, почему оказался в этом месте. Последние пару дней он помнил достаточно отчетливо, но то, что происходило до этого, выпало из памяти – казалось, стоит чуть-чуть напрячься, и он все поймет, но как ни старался, Аксель не мог назвать причины, по которым оказался в клинике. К тому же его все время отвлекала муха, которая по-прежнему билась о мутное стекло, не в силах улететь. Периодически она снова садилась на лицо молодого человека, и чтобы согнать ее, приходилось морщиться и корчить рожи – поднять руку, чтобы отмахнуться, не было возможности. Не хватало пространства в ящике. Аксель попытался мыс-

лить логически, но мысли разбегались и шли по кругу, повторяясь без всякого толку. Для того чтобы прекратить эту цепочку, потребовалось почти физическое усилие.

Аксель заставил себя оглядеться по сторонам. Сквозь мутноватые стенки его узилища разглядеть что-то в подробностях не представлялось возможным, однако было видно, что в помещении он не один. Рядом стояли такие же «гробы»; некоторые из них тоже не пустовали. Тот, что находился справа, был пуст, зато в том, что слева, сквозь стекло угадывалось бледное лицо той самой девушки, которая была соседкой Акселя во время недавней экзекуции. Девушка лежала не шевелясь, смотрела вертикально вверх, совершенно не интересуясь происходящим вокруг. Аксель попробовал ее позвать, но вместо слов получилось какое-то хриплое карканье, после которого он закашлялся так сильно, что приложился лбом о крышку гроба. Удар был неожиданным настолько, что из глаз даже брызнули слезы, но Аксель все равно почувствовал облегчение – от сотрясения в голове что-то щелкнуло, и потерянные воспоминания вернулись на место. Вместе с воспоминаниями пришло ясное осознание – продолжение эксперимента грозит действительно лишить экспериментатора разума. Глубокое внедрение – это, конечно, хорошо, но не в том случае, если его результатом станет превращение в растение. Аксель еще раз осмотрел стеклянный футляр, в котором он находился. Сквозь прозрачные стенки была прекрасно видна система запоров, которая крепила крышку ящика. Взломать ее изнутри не представлялось возможным. Как и выбить стекло – просто не хватало места для того, чтобы как следует размахнуться. Решив не тратить силы на бесполезные попытки, охотник все-таки попытался наладить контакт с соседкой. Еще раз откашлявшись, он придвинул губы к одному из отверстий и крикнул:

– Эй! Девушка! Ты меня слышишь?

Сначала никакой реакции на слова не последовало. Аксель посчитал, что она его просто не услышала, и уже набрал воздуха в грудь, чтобы попробовать еще раз, громче, когда увидел, как пациентка медленно повернула голову.

– Как тебя зовут? – поспешно спросил молодой человек, стремясь прочнее завладеть вниманием девушки. Он боялся, что она потеряет к нему интерес и вновь уйдет в свои мысли.

Она прошептала что-то в ответ, Аксель не смог разобрать, что именно. Анна или, быть может, Ханна. Сейчас это было не важно.

– Анна, что здесь происходит? Я здесь совсем недавно, и я совсем ничего не понимаю! Зачем над нами издеваются? Где остальные пациенты?

Девушка что-то прошептала, но Аксель и на этот раз не смог разобрать, что именно. Когда он переспросил, собеседница повторила, стараясь артикулировать более отчетливо:

– Нас всех съедят. Сначала медленно. А потом быстрее.

Аксель понял, что многого не добьется, но попытался уточнить:

– Кто нас съест?

– Ты разве не чувствуешь? – удивилась девушка. – Это он. Это он нас ест. Он хочет, чтоб мы боялись. А когда мы больше не сможем бояться, заберет нас туда, откуда никто не возвращается. Я слышала крики. Я не хочу туда, – несчастная говорила быстро и по-прежнему тихо, Акселю приходилось изрядно напрягаться, чтобы понимать то, что она говорит, он пропускал целые фразы. – Те, кто заставлял меня умереть, голоса, которые все время велят мне делать то, что я не хочу, говорили мне, что если я не умру, будет хуже. Мне никто не верил. А теперь я все равно умру, только долго. Он будет есть меня еще долго, потому что я очень боюсь. Ты не боишься. Тебя он съест быстрее. Но все равно тебе будет больно. Лучше умри сам, если сможешь.

Поначалу Акселю казалось, что Анна бредит. Глаза у нее были совершенно безумные, взгляд блуждал, по щекам текли слезы, а разобрать ее бормотание, становилось все сложнее... А потом ее слова вдруг сложились с его собственными наблюдениями, и картинка в голове охотника окончательно прояснилась. То удовольствие, которое не сходило с лица док-

тора Оберга, когда он наблюдал за мучениями пациентов. То, как быстро он почувствовал, что Акселя больше не пугают неожиданные купания в холодной воде, и как быстро эти купания сменились на нечто более радикальное. Что с того, что он мучает свои жертвы не сам, а с помощью новейших технических средств? Одержимому, вопреки общепринятому мнению, вовсе не нужно лично, своими руками причинять страдания своим жертвам. Ему нужны чужие боль и страх, и психиатрическая клиника – просто идеальное место для того, чтобы получать их в неограниченных количествах. А, главное, сюда не заходят охотники. Здесь и без одержимого достаточно боли, безысходности и страха. Просто идеальное место для твари. И вовсе необязательно убивать свои жертвы быстро – те возможности, которые предоставляет «лечебное заведение», позволяют выжать из каждой жертвы максимум, заставляя ее постоянно испытывать ужас. Да, рано или поздно жертва перестает бояться. Это происходит неизбежно, нельзя постоянно испытывать страх, даже если пытки все усиливаются. И тогда ее просто убивают наиболее мучительным способом. Очень рациональная схема. И очень в духе одержимых, которые, как Аксель давно уже знал, не испытывали личной неприязни к своим жертвам. Максимум – презрение.

И еще Аксель понял, что ему необходимо заканчивать этот балаган. Он не был уверен на сто процентов, что его выводы соответствуют истине, оставалась еще возможность ошибки. Но проверять это на своей шкуре Аксель не хотел. Он просто не умел бояться одержимых – он все-таки был опытным охотником. Глупо бояться дичи, даже если она опасна.

Молодой человек, на некоторое время отвлекся от окружающей действительности. Обратив внимание на ритмичный стук, доносящийся со стороны позабытой им девушки, он с ужасом обнаружил, что она методично бьется лицом о стенки своего ящика. По стеклу уже стекала кровь из разбитого лба и носа, но останавливаться она явно не собиралась. Аксель закричал, пытаясь снова привлечь ее внимание, но тщетно. Девушка реальностью больше не интересовалась, с методичностью метронома ударяясь головой в стенки. Впрочем, долго заниматься самоистязанием ей не удалось. Послышался скрип открываемой двери, потом шаги, и в поле зрения появились уже знакомые санитары. Быстро отперев замок, крышку ящика откинули, девушку крепко ухватили за локти, выдернули из ящика и куда-то увели. Когда ее вводили, она оглянулась на Акселя.

– Я убью его, – одними губами прошептал охотник, и ему показалось, что Анна поняла. Она прикрыла глаза, будто обозначив кивок, и даже слегка улыбнулась, как будто он пообещал ей, что все будет хорошо.

Через несколько минут пришли за Акселем. Он был готов – настолько, насколько можно подготовиться к чему бы то ни было, лежа в ящике. Аксель не стал дожидаться, когда его вытащат. Как только один из санитаров щелкнул замком и начал приподнимать крышку, охотник согнул колени и локти и резко толкнул стеклянную пластину от себя. Один из санитаров не успел увернуться, и край отлетающей крышки врезался ему в лицо. Удар получился недостаточно сильный, чтобы нанести сколько-нибудь серьезный ущерб, все-таки Аксель бил из не слишком удобного положения, но один из санитаров был ошеломлен и оглушен. Второй тоже не сразу пришел в себя от неожиданности. То, что медики оказались в замешательстве, позволило Акселю вскочить на ноги. Из ящика он выскочил, целясь коленями во второго, не пострадавшего санитаря. Удар получился удачным, противник повалился, грохнувшись о кафельный пол всем телом и ощутимо приложившись затылком. Аксель инстинктивно отпрянул, почувствовав движение за спиной. Первый санитар с окровавленным лицом неожиданно быстро пришел в себя, и Акселю едва удалось увернуться от дубинки, которая уже опускалась ему на затылок. До сих пор эти дубинки висели на поясах у работников клиники, ни разу не были использованы. Если бы санитар проделал все молча, ему бы, скорее всего, удалось оглушить молодого человека, но он сопроводил замах бранью, предупредив об опасности. Благодаря своей проворности и непрофессионализму «медика» Акселю удалось избежать удара по

голове, дубинка скользнула по плечу, не причинив серьезных повреждений, хотя на мгновение охотнику показалось, что перелома не избежать. Не обращая внимания на боль, он бросился под ноги охранника. Тот не ожидал такого маневра от пациента. Больные редко нападали, стараясь, наоборот, убежать, и потому ошеломленный охранник не смог удержаться на ногах. Аксель не стал дожидаться, пока противник поднимется на ноги. Сорвав дубинку с пояса первого охранника, он ударил более опасного, вооруженного санитаря по затылку и, убедившись, что тот затих, позволил себе перевести дух. Первый из противников, тот, на которого Аксель приземлился, выпрыгнув из своего стеклянного ящика, так и не пришел в себя, второй пока вяло ворочался на полу, силясь приподняться и подобрать под себя руки, чтобы упереться в пол. Кроме них в палате больше никого не было, и Аксель решил, что у него есть несколько минут на то, чтобы провести допрос. Сначала он убедился, что первый санитар все еще жив – иначе, если доктор Оберг и в самом деле является одержимым, он, несомненно, почувствует близкую смерть и пожелает разобраться, кто, кроме него, имеет наглость отнимать жизнь в его же вотчине. С трудом подняв бессознательное тело, охотник уложил его в свой ящик и запер крышку. Ему не хотелось, чтобы в тот момент, когда он будет занят допросом, санитар очнулся и напал сзади.

Второго санитаря охотник запирасть не стал. Он пинком перевернул его на спину и несколько раз с силой ударил по щекам. От боли взгляд охранника прояснился, и он сразу попытался вскочить, но был тут же отброшен назад.

– Если будешь отвечать быстро, я тебя не убью. Понятно? – спросил Аксель и, чтобы не тратить время на лишние уговоры, ударил санитаря дубинкой в колено. И сразу же, не давая времени прийти в себя:

– Не слышу твоего ответа.

– Чего тебе надо, сволочь? – санитар выталкивал из себя слова, борясь с болью.

– Как давно вы издеваетесь над пациентами, вместо того чтобы их лечить? И где остальные доктора, почему я вижу только Оберга?

– Не понимаю, о чем ты спрашиваешь. Это новая методика лечения, она помогает... – дальше санитар договорить не смог, потому что новый удар в колено заставил его закричать и скорчиться от боли.

– Повторяю, как давно Оберг стал применять эту свою методику и почему ему это позволяют другие врачи? Мне нужен конкретный срок.

– Я не помню! Может быть, пару месяцев. После того, как гро Йоаким и гро Экланд заразились от пациентов и их пришлось тоже лечить, гро Оберг решил попробовать новую методику.

– С чего ты взял, что они заразились? И чем?

– Я не знаю! Я не врач! Доктор Оберг однажды заметил, что его коллеги начинают заговариваться. Он сказал, это оттого, что безумие перекинулось с пациентов на них. Он разработал новую методику. Если бы не это, мы бы тоже заразились!

Аксель в который раз удивился изобретательности одержимых. Можно было не сомневаться, что безумие двух других психиатров – выдумка, позволившая от них избавиться.

– Остальные санитары уволились, мы с Габриелем остались. Нам теперь хорошо платят. Парень, тебе лечиться надо, – санитар, растерявший свое презрение, теперь говорил быстро, захлебываясь, опасаясь, что его прервут ударом. – Давай, оставь дубинку и помоги мне освободить Габриеля! Доктор тебе поможет.

Охотник прервал разговарившегося собеседника еще одним ударом и задал следующий вопрос:

– Куда повели ту девчонку, которая здесь была?

– Я не знаю!

Еще один удар освежил воспоминания медбрата. Аксель поразился, насколько этот человек не готов терпеть боль. Охотнику трудно было заставить себя пытать человека, он бил далеко не в полную силу, но этого хватало.

– Ее повели на электрошок. Потом отведут в одиночку, будут топить... То есть лечить холодной водой.

– Хорошо. Где остальные пациенты? Сколько вообще психов в клинике?

– Сейчас немного. Осталось всего три сотни человек. Почти все на нижних этажах, мы туда не ходим. Здесь только те, кто поступил недавно. Гро Оберг говорит, что лечит их сам, по своей методике. Лечебное голодание и еще что-то. Он почти все время там проводит с ними. Наверху работает только по четыре часа в день. Еще несколько десятков не пережили лечения.

Акселю стало тошно. Как известно, чем больше людей убил одержимый, тем он сильнее. Судя по тому, что Аксель услышал, гро Оберг был очень сильным одержимым. В нынешнем состоянии Аксель не был готов с ним справиться. У него нет ни оружия, ни брони, он голоден и почти не спал последние дни.

– Сейчас ты проведешь меня к выходу, – решил Аксель. Одному не справиться. Нужно звать на помощь.

– Эй, ты хочешь сбежать? Ничего не выйдет. Слушай, на окнах решетки, выход на крышу заперт металлическими дверями. Выход из здания тоже. Эти двери паровой миной не выбьешь. Ключи есть только у доктора Оберга. Он тебя не выпустит. Он силен, я сам видел, как он вяжет таких буйных, которых мы с Габриелем вдвоем удержать не можем. Слушай, у тебя нет выхода, – к санитару снова начала возвращаться уверенность, – лучше успокойся, ты только ухудшаешь свое положение!

Новость о том, что ключи есть только у одержимого, на мгновение выбила Акселя из колеи, но он не позволил себе потерять присутствие духа.

– Когда вам привозят еду? Чем вы вообще кормите пациентов?

– Ее привозят раз в месяц, мы складываем ее в подвале. Все повара давно уволились, мы сами разносим еду.

– Когда следующая поставка?

– Через две недели.

Аксель замысловато выругался. Он чувствовал, что время уходит. Одержимый скоро хватится своих помощников. Встретаться с ним сейчас у Акселя не было никакого желания – это верная смерть. Аксель и так еле держался на ногах. Нужно было срочно решать, что делать.

– Поднимайся, – мрачно велел он.

Санитар непонимающе посмотрел на молодого человека.

– Что непонятного?! – рявкнул охотник. – Быстро, вставай, пошли! – Он с некоторым трудом встал на ноги и замахнулся дубинкой, подгоняя медбрата. Тот последовал примеру «пациента». По-видимому, у санитаря было легкое сотрясение мозга, потому что он тоже пошатывался. Акселя этот факт порадовал. Сейчас, когда возбуждение от недавней драки проходило, на него накатила слабость, и он уже не был уверен, что сумеет справиться, если санитару внезапно придет в голову идея взять реванш.

– Что ты хочешь делать, парень? – неуверенно поинтересовался медбрат.

– Веди меня туда, где у вас хранятся продукты. Я голоден. И вот что, если по дороге нам встретится гро Оберг, я сломаю тебе шею. Ты веришь, что я смогу?

Несмотря на угрозу, эти слова немного успокоили санитаря. До этого он опасался, что слишком проворный пациент все-таки решил его прикончить, раз уж сбежать не получится. Он часто закивал и похромал к выходу.

Здание клиники было очень велико. Аксель старательно запоминал дорогу. Не запутаться в многочисленных коридорах, переходах, залах и тупиках, часто перекрытых решетками, было сложно. К счастью, замки на решетках, как и на дверях, ведущих в палату, были одинако-

выми. И все они открывались универсальным ключом, который нашелся у санитара. Аксель было заподозрил, что его пытаются обмануть, но потом вспомнил, что замок на входной двери выглядел гораздо более внушительно. Этот ключ к нему явно не подойдет.

Наконец они оказались на длинной винтовой лестнице. Спускаться пришлось долго – оказалось, что под зданием несколько подземных этажей. Аксель понятия не имел, для чего в психиатрической клинике устроены эти этажи, двери, ведущие на них, были закрыты, ими явно никто не пользовался. Санитар не смог прояснить назначение помещений – на вопрос Акселя он ответил, что раньше они вообще не использовались, а сейчас туда ходит только доктор Оберг и спускается другим путем. Замки на всех дверях он сменил, так что ключи от нижних этажей есть только у него.

Помещение, которое санитар называл подвалом, оказалось обширной морозильной камерой. Вдаль уходили ряды мясных туш; некоторые из них уже явно начали портиться, на полках за ними лежали свертки с хлебом, крупами и другими продуктами. Аксель почувствовал себя идиотом. Готовой еды тут не было.

– И кто у вас готовит для пациентов? – ошеломленно поинтересовался охотник.

– Никто, – пожал плечами санитар. – Поваров давно нет. Себе мы готовим на кухне по очереди, а пациентам даем хлеб.

Аксель еще раз окинул взглядом ледник. Может быть, если бы он чувствовал себя немного лучше, сырое мясо показалось бы ему более аппетитным, но сейчас юноша чувствовал только легкую тошноту. Порывшись на полках, он нашел соль и растительное масло. Охотник связал своего пленника, после чего соорудил из этих ингредиентов и хлеба несколько бутербродов и принялся без аппетита вталкивать в себя обед. Ничего более съедобного в отсутствие огня и при нехватке времени он придумать не сумел. Прихватив несколько буханок хлеба, Аксель принялся заворачивать их в снятую с себя рубаху.

– Эй, парень, – позвал его санитар, заметив сборы. – Ты что, собираешься меня здесь оставить? Я же замерзну!

– Вообще-то мне плевать, – помолчав, ответил охотник. – Вы с приятелем кучу народа замучили, а я должен тебя жалеть? Ладно, не трясись.

Закончив упаковывать запасы, юноша пинком направил пленника на выход. Поев, охотник почувствовал прилив сил, даже голова, кажется, перестала кружиться. Добравшись до верхних этажей, он втолкнул санитара в первую же попавшуюся комнату, где привязал его к батарее центрального отопления.

– Мне плевать, согласишься ты мне или нет, – говорил Аксель, сооружая кляп. – Я – охотник, а твой доктор Оберг, скорее всего, одержимый. Он здесь отлично устроился – много доступных жертв, и его никто не заподозрит, потому что охотники редко обращают внимание на психушки. Можешь мне не верить, – повторил Аксель, заметив недоверчивое выражение на лице санитара. – Но если все-таки постарайся подумать, то до тебя дойдет, что поведение этого вашего доктора ненормально. Так что на твоём месте я бы не очень стремился доложить обо всем своему патрону. Потому что, когда ты ему расскажешь о моем «бреде», он-то поверит мне сразу. И ты ему перестанешь быть нужен. На твоём месте, после того, как выберешься, я бы постарался вообще к нему не приближаться. Но это твоё дело. Мне плевать.

Аксель ушел, не утруждая себя прощанием. Необходимо было найти хоть какое-то оружие – дубинка в противостоянии с одержимым помочь не могла никоим образом.

И начались поиски оружия. Аксель планомерно обходил одну комнату за другой, но ничего подходящего найти не мог. Хуже было другое. Поначалу охотник не обращал внимания, но с каждой новой пустой палатой его все сильнее мучил вопрос – где все пациенты? Он и раньше не видел никого, кроме нескольких товарищей по несчастью в комнате с динамо-машиной, но списывал это на то, что больных держат в изоляции друг от друга. Однако теперь, заглядывая в пустые палаты, глядя на покрытые пылью койки, он все больше удивлялся. Аксель

не знал, сколько точно должно быть пациентов в клинике, однако был совершенно уверен, что их не меньше нескольких сотен. Где все эти люди? Неужели они уже убиты?

Тишина только усиливала ощущения, возникающие в этом мрачном пустом здании, полном отголосков боли и отчаяния его постояльцев. Аксель старался не нарушать эту тишину, он двигался очень медленно и осторожно. Каждый раз, готовясь выйти из очередной осмотренной палаты, он подолгу прислушивался, прежде чем открыть дверь, опасаясь наткнуться на разъяренного одержимого. Неспешное передвижение и настороженность не способствовали душевному спокойствию. Вымотанный за последние дни, охотник все сильнее чувствовал тревогу. Мысли скакали как в горячке, в сознании возникали картинки издевательств, которые он пережил, находясь в клинике, тут же он начинал рассуждать о судьбе пропавших пациентов, через секунду ему казалось, что он слышит тихие шаги, отчего он подолгу замирал и вслушивался. Звуки шагов прекращались, но на смену им приходили стоны и крики. Аксель понимал, что, иссушенный долгим отсутствием сна и скудным питанием, измученный давлением мрачных эмоций, наполняющих здание, его мозг начинает галлюцинировать. Он встряхивал головой, пытаясь вернуть ясность разума, но через некоторое время начинал снова впадать в полусонное состояние, наполненное кошмаром. Охотник уже мечтал, чтобы что-нибудь произошло. Спустя несколько часов бессмысленного блуждания по коридорам и комнатам он начал подумывать о том, чтобы вернуться в начальную точку своего путешествия, найти оставленного санитаря и допросить его еще раз. Не для того, чтобы выяснить еще какие-то подробности, Аксель не сомневался, что ничего существенного санитар ему не расскажет, а для того, чтобы услышать человеческий голос, увидеть человека, чтобы убедиться, что он не остался один в этой тюрьме. Остановила только мысль, что тот давно выбрался из своих ненадежных пут. Вместо этого охотник остановился в очередной палате и заставил себя поесть. Мерзлый, черствый после долгого нахождения в морозильной камере хлеб был безвкусным, создавалось ощущение, что он пережевывает что-то несъедобное, но юноша не обращал на это внимания. Проблем с водой не было. Во многих помещениях были краны, из которых текла вода, а однажды встретила даже душевая, в которой, к удивлению охотника, была даже горячая вода. Юноша тогда не удержался и умылся, за что потом долго себя ругал, заметив, что оставляет мокрые следы. Впрочем, время прошло, он успел высохнуть, а его так и не нашли, так что он перестал об этом думать. Все-таки он, наверное, рано или поздно совершил бы какую-нибудь глупость, если бы не случай. Правда, назвать этот случай счастливым охотник не мог.

Он как раз приближался к одной из лестниц, соединявших этажи, когда снова услышал шаги – только в этот раз они звучали четко, и можно было не сомневаться, что этот звук ему не мерещится. Сделав шаг назад, он прикрыл только что открытую дверь палаты, которую осматривал. Оставив небольшую щель, он затаился, взяв на изготовку свое оружие. Ничего серьезного Аксель добыть так и не смог, но все-таки сменил короткую дубинку охранника на нечто более внушительное. В одной из комнат он обнаружил сломанную кровать, от которой ему удалось отломить стальную дугу спинки. Аксель предпочитал не задумываться, при каких условиях койка была сломана, однако не затертые следы крови указывали на то, что кровать развалилась не от старости. Дужка кровати была полый, один конец ее был скошен так, что она напоминала гигантский шприц с зазубринами на острие. Если ткнуть таким в уязвимое место, можно нанести серьезные повреждения даже одержимому. Если, конечно, последний будет настолько беспечен, что позволит подойти близко и даст время нанести удар. Опытный, хорошо подготовленный охотник, каковым являлся Аксель, мог бы обойтись и таким импровизированным оружием, если бы ему пришлось иметь дело с недавно появившимся одержимым, еще не освоившимся с доставшимся ему телом. Гро Оберг же, судя по всему, явился в мир уже достаточно давно, чтобы с ним можно было справиться так просто.

Аксель перестал дышать, прислушиваясь к происходящему за дверью. Кто-то приближался со стороны, противоположной той, откуда он двигался. Вот звук шагов стих, и послышался скрежет замка.

– Простите, гро Оберг, зачем мы идем вниз? – Аксель узнал голос того самого санитаря, который вынужденно провожал его на продовольственный склад. – До сих пор вы запрещали нам с Габриелем туда ходить! – Голос звучал взволнованно и неуверенно.

– Обстоятельства изменились, приятель, – одержимый говорил спокойно, в голосе слышалась добродушная насмешка. – По больнице бродит опасный больной, вообразивший себя охотником за одержимыми. Ты же сам мне все рассказал. Он силен и хитер. Я не могу рисковать моими последними санитарями – неизвестно, что ему вздумается сделать в следующий раз, правильно?! Я и Габриеля отправлю вниз, когда он придет в себя, – так мне будет спокойнее. А потом, пожалуй, нужно будет вызвать полицию... – одержимый мастерски владел интонациями. К концу этой короткой речи Аксель почувствовал полное спокойствие и даже сонливость, настолько монотонно звучал голос гро Оберга. Санитар, чьего имени Аксель так и не узнал, не обращал внимания на совершенно нелогичные планы доктора, его ничем не насторожило странное поведение патрона, он покорно поддакивал ему, и вскоре Аксель услышал лязг открывающейся решетки, скрежет ключа и удаляющиеся по лестнице шаги.

Если бы Аксель мог себе такое позволить, он бы грязно выругался. Все-таки бестолковый медработник не поверил и решил все рассказать доктору. Впрочем, самому Акселю то, что одержимому теперь все известно, было не важно. Он и не надеялся, что Оберг, обнаружив его пропажу, не станет искать. Просто теперь, кажется, одержимый решил окончательно отказаться от помощи обычных людей – иначе зачем он повел придурка на подземные этажи, в которые никогда раньше не допускал санитаров? Аксель уже догадывался, что большинство пациентов, по крайней мере те из них, кто остался в живых, находятся именно там. И их там не лечат. Дождавшись, когда собеседники удалятся, Аксель вышел из комнаты. Он подошел к решетке, перекрывающей вход на лестницу, и убедился, что она закрыта. Охотник посетовал про себя, что не может перекрыть одержимому выход. В этом случае, он смог бы выбраться из здания и позвать на помощь. Но даже если бы ему удалось за время отсутствия одержимого как-то заблокировать эту дверь, выходов с нижних этажей оставалось еще несколько, и Аксель даже не знал точного их количества и расположения. Так что от самого простого варианта пришлось отказаться, и охотник даже испытывал некоторое облегчение от того, что его нельзя воплотить в жизнь. Несомненно, поняв, что заперт в ловушке, одержимый уничтожил бы всех жертв – если, конечно, там еще оставался хоть кто-то живой. Тем не менее, будь это возможно, соображения гуманизма Акселя не остановили бы – и не потому, что он боялся за свою жизнь, а потому что прекрасно понимал, насколько малы у него шансы победить столь опытного и сильного одержимого в одиночку и без оружия.

Закончив осмотр, охотник отправился на поиски второго санитаря, Габриеля. Он не собирался его освобождать. Аксель рассудил, что после того, как одержимый отправит вниз и его, он рано или поздно вернется в свой кабинет, а за это время охотник надеялся подготовить какую-нибудь ловушку. На поиски ушло не меньше часа, юноша даже начал опасаться, что заблудился и одержимый давно вернулся за Габриелем коротким путем, однако вскоре он все-таки набрел на кабинет. Осторожно приоткрыв дверь, он убедился, что санитар все еще здесь. Он уже пришел в себя – лежал на кушетке, прижимая к разбитому лицу пакет со льдом. Аксель поблагодарил судьбу, что пострадавший не услышал звука открывающейся двери, и, осторожно притворив ее, укрылся в соседнем кабинете. Вопреки ожиданиям гро Оберга пришлось еще подождать. Аксель проследил сквозь щель, как доктор, держа под руку пошатывающегося «коллегу», помогает ему идти, уже не слишком заботясь об удобстве последнего. Габриель с трудом поспевал за вцепившимся ему в локоть доктором, не обращавшим внимания на его вопросы и протесты.

Аксель подождал, когда одержимый скроется, и проскользнул в кабинет. По своему прошлому посещению он помнил обстановку и потому, не тратя времени на поиски, он подбежал к большому застекленному шкафу, в котором лежали антикварные медицинские инструменты. Видимо, доктор Оберг раньше был коллекционером – большинство инструментов даже на непрофессиональный взгляд Акселя давно утратили свою актуальность. Среди прочего на одной из полок стоял манекен со смиренным костюмом – охотника заинтересовали прочные кожаные ремни, которыми была перетянута рубашка. Ремни были быстро срезаны. Тонкая, прочная веревка у Акселя уже была – во время посещения продовольственного склада охотник снял несколько мотков шпагата, на котором висели мясные туши. Сделать некое подобие виселицы заняло не больше двух минут. Укрепить ее тоже не составило труда – в потолок было вделано несколько колец, о предназначении которых молодой человек предпочитал не задумываться. Пододвинув кушетку, он продел в одно из них веревку и намотал конец на правую руку. Кожаная петля ремня с медной пряжкой также оставалась в правой руке, а в левой охотник продолжал сжимать дужку от кровати. Опясавшись еще одним из ремней, Аксель засунул за пояс несколько скальпелей из коллекции. Он не слишком надеялся, что это поможет, но решил не пренебрегать даже таким ненадежным оружием.

Встав справа от двери, охотник снова принялся ждать. Раньше, в начале карьеры, долгое ожидание всегда заставляло его нервничать, но теперь у него было достаточно опыта, чтобы подавлять волнение. Вот послышались шаги – совсем тихие, однако в тишине пустого здания их было прекрасно слышно. Аксель дождался, когда распахнется дверь, шагнул в проем и накинул петлю на шею гро Оберга, после чего мгновенно отскочил, изо всех сил потянув за веревку. Он все равно был недостаточно быстр, чтобы тягаться в реакции с одержимым и не смог избежать удара, но это только добавило ему ускорения, в результате получилось даже лучше, чем он рассчитывал; отлетев в другой конец комнаты, он так натянул веревку, что одержимый взмыл под самый потолок. Удар пришелся молодому человеку в ребра, и, несмотря на резкую боль, он не потерял ни секунды. Намотав веревку на трубу батареи центрального отопления, охотник перехватил дужку от кровати двумя руками, прыгнул обратно к одержимому. Гро Оберг еще не успел прийти в себя и теперь извивался, пытаясь то ли снять петлю, то ли разорвать ее, так что Аксель успел нанести удар – он получился достаточно сильным, чтобы криво обломанный край железки пробил кожу и застрял в животе у одержимого. Вытащить его у Акселя не получилось, пришлось уклоняться от удара ногами. Подпрыгнув, молодой человек вцепился левой рукой в одежду одержимого и, повиснув на нем, принялся полосовать врага одним из скальпелей. Он пытался достать до лица, чтобы хотя бы ослепить противника, но тот отчаянно извивался, удары приходились по груди, не принося никакого вреда одержимому. Его не замедлила даже гораздо более серьезная рана, нанесенная «копьем», на порезы он не обращал вообще никакого внимания. Извернувшись, одержимый ударил охотника локтем, попав прямо в нос. От резкой вспышки боли Аксель не удержался и упал. Под руку попал какой-то мелкий предмет, который молодой человек, не задумываясь, схватил. Когда круги перед глазами померкли, Аксель как раз успел увидеть, что одержимому наконец удалось спрыгнуть на пол, разорвав прочную кожу ошейника. Он упал неудачно, еще сильнее насадившись на спинку от кровати, отчего железка продвинулась дальше и, пробив кожу на спине, вылезла наружу. По-видимому, металл пробил позвоночник – гро Оберг не сразу смог встать, да и когда поднялся, двигался очень медленно для одержимого. Но все равно намного быстрее обычного человека. Даже для такого старого одержимого, каким являлся гро Оберг, ранение оказалось серьезным, хоть и не смертельным. Аксель еле успел откатиться в сторону, так что удар вырванной из тела деталью кровати пришелся по полу, расколов керамическую плитку, которой он был выложен. Охотник ловко поднялся на ноги и тут же пригнулся – окровавленная труба пролетела над самой головой, он почувствовал, как всколыхнулись волосы. Аксель не стал дожидаться нового удара. Поднатужившись, он перевернул шкаф с антиквариатом, рядом с которым оказался. Одержимый

мый почти успел отскочить – упавшим предметом мебели придавило его ноги. Аксель выскочил за дверь, чудом перепрыгнув трубу, которой по-прежнему размахивал бывший врач, и захлопнул за собой дверь. Он судорожно пытался найти универсальный ключ, который отобрал у санитара. Охотник прекрасно помнил, что засунул его за пояс, чтобы освободить руки, но теперь его не было – видимо, выпал во время драки. Дверь закрыть было нечем. Только теперь Аксель обратил внимание, что по-прежнему сжимает что-то в руке. Разжав пальцы, молодой человек нервно хмыкнул. На ладони лежал ключ. По форме ключа охотник догадался, от чего он – этим ключом открывалась дверь на нижние этажи. Из комнаты раздался грохот – за несколько мгновений, в течение которых Аксель позволил себе ничего не делать, одержимый освободился. Аксель побежал, не обращая внимания на стук распахнувшейся двери за спиной. Он точно рассчитал время и метнулся в сторону – мимо просвистела дужка от кровати. Она была брошена с такой силой, что глубоко ушла в стену на повороте коридора. Охотник не стал тратить время на то, чтобы попытаться ее вытащить. Сзади слышались тяжелые шаги. Координация движений у одержимого сильно ухудшилась из-за травмы, передвигаться так тихо, как раньше он уже не мог.

Аксель успел далеко оторваться от преследователя и увидел его вновь, только когда уже закрывал решетку с противоположной стороны. Стало понятно, почему доктор так медленно передвигается – одна нога была сломана, когда одержимый на нее наступал, она изгибалась под неестественным углом. По кафельному полу за Обергом тянулась кровавая дорожка. Увидев молодого человека, одержимый расхохотался.

– Какая ирония, – пояснил он, – моя жертва сама запирает себя в клетке! Ты ведь понимаешь, что запер себя в ловушку, человек? Я скоро открою эту дверь, и тогда мы устроим настоящее веселье! Ты почти смог меня разозлить – для тебя я приготовлю что-нибудь особенное.

Аксель не затруднил себя ответом и развернулся, собираясь уйти.

– Правильно, – одобрительно прокомментировал поведение молодого человека одержимый. – Пройдись по моей вотчине, оцени мою фантазию. Уверен, тебе понравится.

Охотник уже спускался вниз, не слушая криков одержимого.

То, что он увидел, оказавшись на первом подземном этаже, потом долго снилось ему в кошмарах. Там были люди. Пациенты. Десятки комнат, в каждой из которых находились еще живые пациенты психиатрической клиники. Распятые на стенах, с содранной кожей, истекающие кровью и другие, с более-менее зажившими ранами, связанные в неудобных позах, – все они, слыша звук открывающейся двери, начинали дико извиваться в своих путах. Последние остатки разума покинули этих людей, каждый из них привык чувствовать боль и мучиться, в ожидании новых, еще более сильных издевательств. Одержимый явно подошел к вопросу пыток очень рационально. Он берег своих пленников, заботился о том, чтобы они не умирали раньше времени.

Увидев первого из страдальцев, Аксель потратил несколько секунд на то, чтобы решить, что делать. Самым гуманным сейчас он считал добить его – этот человек никогда не забудет происшедшего с ним и не вернется к нормальной жизни, даже если излечится от своего душевного расстройства, которое могло только усугубиться от такого «лечения». У мужчины были отрезаны руки и ноги, выколоты глаза и вырваны ноздри, а в культи были вбиты гвозди, которые удерживали его висющим на стене.

Аксель грязно выругался, понимая, что этот человек не единственный и всех он убить не сможет, по крайней мере, пока не убьет одержимого. Молодой человек бежал от комнаты к комнате, заглядывая в каждую и стараясь не смотреть на тех, кого в этих комнатах держали. Он искал хоть какое-нибудь оружие, чтобы встретить одержимого, когда справится с решеткой на входе. Очень действовали на нервы мерные, лязгающие удары, разносившиеся по всему этажу. Доктор Оберг методично ломал решетку, отделяющую его от будущей жертвы.

Ничего похожего на оружие не встречалось, охотник переходил от одной палаты к другой, охватывая взглядом жуткие картины, все больше отчаиваясь. Он обошел весь этаж, так и не найдя ничего подходящего, и спустился еще на один – лестница, по которой он шел, не была той же самой, на которой сейчас бесновался одержимый, пытаясь выломать прутья решетки. Время от времени охотник слышал ритмичные удары, звук которых разносился по всему этажу. «Похоже на бой часов, – мрачно усмехнулся Аксель, – которые отсчитывают мои последние минуты». Второй этаж ничем не отличался от первого – такие же ряды дверей, скрывающие палаты с их страшным содержимым. С каждой новой открытой дверью молодой человек все больше отчаивался – оставалось всего несколько дверей, и что делать, когда они закончатся, охотник не представлял. Аксель не видел смысла в том, чтобы осматривать оставшиеся комнаты. Он побывал почти в сотне палат подземного этажа, и в каждой из них были живые люди. Живые люди, терпящие такие пытки, которые трудно себе представить. Наверное, только сейчас охотник понял, каких высот может достичь одержимый, не ограниченный нехваткой времени и страхом быть обнаруженным. Высот в искусстве причинять боль. Где-то, в одной из палат, он видел Анну. Она тоже была еще жива, но Аксель не остановился, чтобы избавить ее от страданий.

Аксель не видел смысла в том, чтобы осматривать последние комнаты, но и остановиться уже не мог. Просто потому, что понимал – стоит остановиться и дать себе хоть секунду времени на то, чтобы задуматься, он сойдет с ума, впадет в истерику и тогда не сможет нанести хотя бы малый ущерб одержимому доктору Обергу. Последние несколько комнат оказались пустыми – в них не было пациентов, просто оштукатуренные коробки, освещенные новомодными электрическими лампами накаливания.

Последняя дверь была сделана из металла, в отличие от деревянных дверей, ведущих в палаты. Аксель не сразу обратил на это внимание, потому что выкрашена она была в тот же унылый серый цвет. И содержимое комнаты тоже отличалось. В отличие от других помещений, это оказалось закрыто – впрочем, ключ, который Аксель продолжал сжимать в руке, подошел. Дверь находилась в торце коридора и, как оказалось, вела в котельную. Помещение было достаточно большим, почти половину его занимало различное оборудование. Прежде всего – внушительный паровой котел, совмещенный с турбиной, которая вращалась благодаря силе раскаленного пара и вырабатывала электричество, которым освещались этажи. Этот же котел служил и для обогрева помещений; в зимнее время отапливать все огромное здание больницы с помощью каминов, которыми обычно пользовались в Пенгверне, было бы невозможно. Другая половина была засыпана углем.

Застыв на пороге, Аксель не сразу заметил человека, лежащего в углу, опершись спиной на угольную кучу. А вот человек заметил его сразу.

– Эй, ты кто? – Голос был хриплый, и Аксель, не ожидавший услышать что-то, кроме стонов, вздрогнул. Только теперь он увидел, что находится в комнате не один. Рассмотрев задавшего вопрос, охотник снова вздрогнул – у человека не было ни рук, ни ног, глаза скрывала повязка. На культиях рук с помощью ремней были укреплены две лопаты. Из одежды на нем оставалась только набедренная повязка, тело было покрыто угольной пылью и грязью, сквозь наслоения которой проглядывали ребра и ключицы. Несмотря на плачевное состояние, в котором находился мужчина, он явно был в здравом рассудке. Аксель уже не ожидал увидеть в этом месте кого-то, не сошедшего с ума от пыток.

– Меня зовут Аксель, я – охотник. – И, увидев, какой надеждой озарилось лицо калеки, поспешил признаться: – Я хотел проинспектировать больницу под видом пациента и не рассчитал сил. Одержимый скоро будет здесь, решетка у входа на этаж его надолго не задержит. А у меня нет никакого оружия!

Вопреки ожиданиям, улыбка так и не покинула лица его собеседника. Она, наоборот, стала еще шире.

– Невероятно приятно вас видеть, молодой человек! Вернее слышать, зрения, как видите, меня лишили. А я, как вы можете догадаться, – он помахал кульями с укрепленными на них лопатами, – здешний кочегар. Андреас Экстрём к вашим услугам. Занимаю эту должность вот уже десять месяцев! Всякую надежду потерял, даже и не знаю, что меня удержало от того, чтобы забраться в печку. – Инвалид кивнул на раскрытый зев печи, в котором плясали языки пламени. – Иным-то способом отсюда мне не сбежать. Одержимый сделал из меня этот обрубок, который ты видишь перед собой, и теперь я должен обеспечивать это проклятое здание теплом. Другие-то обитатели этажа на такую интеллектуальную работу не были способны и в свои лучшие времена. Зарплату получаю куском хлеба в день и побоями. Головокружительная карьера! И вот теперь ты приходишь и сообщаем, что эта тварь скоро придет сюда? Это замечательно! Лучшая новость за год! Сам-то я никогда не знал заранее, когда он придет.

– Что же здесь замечательного? – удивился молодой человек. – Мне удалось его немного покалечить, так что он теперь двигается не так быстро, но он все равно нас убьет. У нас нет оружия, другие пациенты не в состоянии передвигаться, да и вы тоже не сможете мне помочь!

– Как это нет оружия? – деланно удивился кочегар. – Вот же перед тобой паровой котел. Чем не оружие?

– Вы хотите взорвать котел? – удивился Аксель. Он задумался на секунду и пришел к выводу, что это вполне может сработать. Если, конечно, им удастся как-то запереть в котельной доктора Оберга. И если удастся подгадать время взрыва котла так, чтобы одержимый не успел вырваться. В общем, план был очень ненадежным, однако другого у Акселя не было, а так был реальный шанс что-то сделать. Конечно, умирать Акселю не хотелось, но с тех пор, как оказался заперт на этаже, он понимал, что выжить, скорее всего, не удастся, а теперь у него появилась реальная возможность прихватить с собой и одержимого. К внезапной смерти Аксель был готов уже давно – далеко не каждый из охотников умирает от старости.

– Вот что, молодой человек. Времени, насколько я понимаю, у нас немного. Помогите мне хорошенько растопить печь – котел тут надежный, поэтому давление должно быть очень высоким.

Аксель, встряхнув головой, принялся руками забрасывать в печь куски угля.

– А вы уверены, что котел не взорвется до прихода доктора? – поинтересовался охотник.

– Конечно, уверен, – возмутился калека. – Тут довольно надежная защита. Пока предохранительный клапан не перекрыт, взрыва точно не будет. Так что посматривайте в коридор, гро охотник. Как только увидите хозяина нашего паноптикума, сразу же полезайте в люк. А я тем временем перекрою клапан.

– Какой люк? – удивился охотник.

– Тот, через который сюда сбрасывают уголь, конечно, – пояснил кочегар. – Не думаете же вы, Аксель, что его сюда на руках заносят? Я бы давно уже воспользовался этой лазейкой, только, как видите, предусмотрительный доктор Оберг позаботился о том, чтобы я не смог этого сделать.

Аксель на секунду зажмурился, стараясь привести в порядок заматававшиеся в голове мысли. Теперь, когда появилась призрачная надежда выжить, стало еще тяжелее – до этого нужно было заботиться только о том, чтобы убить одержимого, а теперь еще прибавилась забота о себе и о несчастном кочегаре. Аксель понимал чувства узника, которого сначала пытали, а потом отрезали конечности, превратив практически в беспомощный обрубок, способный только на то, чтобы обслуживать больничную котельную. И даже возможности безболезненно покончить с собой этого человека лишили. Смерть от огня в печи долгая и очень болезненная. И вот теперь этот человек радуется возможности погибнуть от взрыва, потому что это быстрая смерть, и еще потому, что можно хоть немного отомстить своему мучителю.

Аксель, которому на своем веку приходилось неоднократно видеть смерть одержимых, понимал, что особого недовольствия она им не доставляет. Одержимые наплеваательно отно-

сятся к своим телам. Примерно так, как человек относится к одежде. Досадно будет ее испортить, но не более. Фактически этот несчастный будет лишен возможности отомстить по-настоящему. Может быть, кочегар не хочет продолжать жизнь калекой? Вполне возможно. И все равно, Аксель не готов был позволить ему умереть вот так, в грязном подвале. Однако и на уговоры у него времени не было.

– А где клапан? – поинтересовался охотник как бы невзначай.

– Видите вон тот вентиль? – кочегар махнул культей в сторону выкрашенного красной краской металлического кольца с ручкой. – Я уже давно научился его закручивать. Не верил, что представится возможность этим воспользоваться, но все равно надеялся. Честно говоря, был большой соблазн наплевать на все и взорвать эту проклятую котельную, не дожидаясь, когда здесь появится эта тварь. Возможно, это заставило бы его покинуть больницу – зимой без отопления здесь довольно холодно, те несчастные, которых вы видели на этаже, наверняка замерзли бы насмерть. И для них это тоже было бы избавлением. Пусть хоть так... жаль, прошлой зимой мне это не пришлось в голову. После того, как ему пришлось бы уйти из больницы, вы бы его быстро выловили...

Кочегар не прекращал подбрасывать уголь в печь и теперь замолчал, запыхавшись. Несмотря на отсутствие зрения и конечностей, он двигался очень ловко, хотя и был слишком истощен, чтобы говорить и работать одновременно. Аксель не стал расспрашивать дальше. Все, что необходимо, он уже выяснил. Он подошел к указанному вентилю.

– Вот что, гро Экстрём, – решил Аксель. – Давайте мне ваши лопаты. Мне с ними будет проще, а вам они только помешают. А сами полезайте в люк.

– Молодой человек, если вы мне не верите, то загляните туда сами. Этот лаз не предназначен для таких обрубков, как я. Я просто не смогу туда взобраться! Неужели вы думаете, что я не пробовал? Именно за такую попытку мне и выжгли глаза!

Аксель уже рассматривал длинную металлическую трубу, примерно метрового диаметра, уходящую под небольшим наклоном куда-то вверх. Кочегар действительно не смог бы по ней взобраться – для него она была слишком широка, чтобы упираться в нее культиями рук и ног. Но спрятаться там было вполне возможно. Охотник, не слушая возражений, подхватил своего нового знакомого под мышки и посадил в желоб.

– Сидите здесь. Постарайтесь забраться повыше, если получится. Я понимаю, что вы не сможете выбраться, но отсидеться вполне получится.

– Молодой человек, неужели вам непонятно? Я не дорожу жизнью! Вы думаете после всего, что я видел, после того, что со мной сотворили, я еще хочу жить?

Аксель разозлился:

– Не тратьте наше время, его и так немного! Я видел не меньше вашего, а у моей наставницы треть тела заменена на протезы, и она не жалуется! Мне некогда вас уговаривать, просто сидите там и все!

С этими словами Аксель прикрыл люк. Оторвав широкую полосу от смиренной рубашки, он повязал ее на лицо на манер повязки, мысленно посетовав на отсутствие защитных очков. Электрическую лампу, освещавшую котельную, охотник разбил, и теперь помещение освещалось только отблесками огня из раскрытой топки. Взяв в каждую руку по совку, принялся с удвоенной энергией забрасывать в топку уголь.

Несмотря на то, что огонь в печи громко ревел и, казалось, заглушал любые посторонние звуки, о скором появлении врага охотник узнал заранее. В какой-то момент звуки ударов, которые разносились по всем этажам и которые не заглушал даже ревущий в печи огонь, прекратились. И в этот же момент Аксель тоже прекратил работу. Несмотря на травмы, одержимый очень силен. Гораздо, гораздо сильнее человека. И несмотря на травмы, он по-прежнему движется почти так же быстро, как хорошо тренированный человек. Что можно сделать, чтобы гарантированно удержать врага, который сильнее тебя, в комнате, которая вот-вот взорвется?

Очевидно, нужно запереть дверь. Ключ Аксель заранее вставил в замок, чтобы не возиться, когда одержимый войдет.

К тому времени, когда в коридоре появился неуклюже ступающий гро Оберг, в двух шагах от раскрытой печи уже нельзя было находиться. Волосы скручивались от жара, в горле першило, настолько сухой был воздух. По вискам Акселя стекал пот и тут же высыхал, оставляя дорожки на чумазом от угольной пыли лице. Аксель перекрыл клапан, как только стихли звуки ударов наверху, и теперь с тревогой посматривал на датчик давления. Стрелка давно находилась в красной зоне и уверенно приближалась к концу шкалы. Какой-то запас прочности у котла был, но, когда именно произойдет взрыв, точно сказать не мог никто. Аксель очень боялся, что котел лопнет раньше, чем в комнату войдет одержимый. Так что, когда гро Оберг приблизился, молодой человек испытал даже некоторое облегчение. Он перестал бросать уголь в топку – надеялся, что там и так достаточно огня и котел точно не выдержит. Вместо этого охотник теперь старательно разбрасывал вокруг угольную пыль и мелкую крошку, стараясь ухудшить обзор. Ему это удалось – теперь он и сам не видел ничего, кроме слабо выделяющегося на фоне черной взвеси дверного проема. Одержимый, находившийся в светлом коридоре, видел только темные клубы за дверью котельной.

– Тебе это не поможет, глупый человечек, – хмыкнул гро Оберг и шагнул в проем. Когда дверь за ним захлопнулась, он резко повернулся и взмахнул рукой, безошибочно угадав, где находится охотник.

Аксель ждал этого удара. Он готовился к нему последние несколько секунд и все равно едва успел подставить лопату. Полностью погасить инерцию ему не удалось, лопата, как живая, полетела в лицо, больно ударив в бровь, самого охотника отбросило к только что закрытой двери. Аксель, оглушенный и слабо соображающий от резкой боли, на одних рефлексх повернул ключ и выдернул его из замочной скважины, тут же бросившись в противоположную сторону. Теперь в котельной было совершенно темно, можно было ориентироваться только на звук. Те крохи света, которые прорывались из предусмотрительно прикрытой дверцы топки, взяли в поднятой угольной пыли, никак не помогая увидеть хоть что-нибудь.

Аксель отскочил еще на шаг и обеими лопатами принялся разбрасывать вокруг себя уголь. Одержимые отлично ориентируются на звук, они могут использовать возможности человеческого организма гораздо эффективнее, чем сами люди. Пытаясь сбить его с толку, чтобы оказаться с ним в равных условиях, охотник старался произвести как можно больше шума. Нужно было потеряться на фоне звуков рассыпающихся кусков угля. И заодно Аксель прислушивался сам. Вот он услышал глухой шлепок – это крупный кусок угля попал в тело одержимого. Не мешкая, охотник прыгнул в ту сторону и махнул лопатой. Он вложил в удар все силы. Он бил вслепую, рискуя промахнуться и потерять равновесие. Почувствовав, как металл совка соприкоснулся с телом, Аксель не удержал радостного рыка. Удар вышел очень удачным. Одержимый, ошеломленный и не ожидавший такого сопротивления, не удержал равновесия и отшатнулся, облокотившись на раскаленный, уже начинавший слабо светиться в темноте котел. Послышалось мерзкое шипение, запахло паленым волосом и горелым мясом. Аксель не стал пытаться достать доктора еще раз. Одержимого трудно надолго ошеломить, особенно такого сильного. Вместо этого охотник рванул дверцу печи, не обращая внимания на боль от ожога, сунул в топку лопату и, зачерпнув горящего угля, швырнул его в лицо уже поднимавшегося гро Оберга. Одержимый вскинул руки к лицу, пытаясь защитить глаза. Это движение было очень похоже на рефлекторное, так сделал бы обычный разумный, но Аксель знал, что это трезвый расчет. У одержимых нет рефлексов, каждое свое движение они контролируют сознательно.

Впрочем, это не помогло. Несколько мелких кусочков горящего угля застряло в волосах, и, пока гро Оберг стряхивал их с головы, охотник наконец получил время на то, чтобы прыгнуть к люку и взобраться внутрь. В первый момент, когда голова уперлась во что-то мягкое, Аксель испугался. Он успел забыть о несчастном кочегаре и чуть не попытался его ударить, в

последний момент остановив руку. Вместо этого он еще немного пролез наверх, проталкивая головой неожиданно тяжелого калеку.

– Только не свались, Экстрём, – прохрипел он. – Там сейчас все взорвется.

Но взрыва пока не было. Вместо этого в котельной чуть посветлело и появились клубы дыма. Начинаясь пожар. Через несколько секунд свет заслонила фигура одержимого.

– Вот ты где! – обрадовался доктор. – Я слышу твоё дыхание... И твоё, Экстрём. Спрятаться от меня решили? Для вас я приготовлю особенные пытки. У меня фантазия разыгралась. – С этими словами он полез в трубу.

Аксель начал паниковать. «Да когда же этот котел взорвется?!» – хотел закричать охотник, но решил побереечь дыхание. Вместо этого он бросил лопату, которую каким-то образом не выпустил из рук раньше, когда забирался в трубу, а потом и сам немного спустился, поставившись спихнуть одержимого. И это даже ему удалось.

– Я все равно до тебя доберусь, – спокойно сказал Оберг, поднимаясь на ноги. – Ты повредил меня, но я все равно сильнее. Если бы ты бросил здесь этот бесполезный обрубок, то имел бы шанс спастись, но ты слаб и ограничен нормами человеческой морали. – Одержимый уже успел просунуть в трубу руки и голову.

И в этот момент раздался взрыв. Ударной волной тело одержимого отбросило от люка к дальней стене котельной. Точнее нижнюю часть тела; голова и руки так и остались в трубе. Аксель, который находился выше, от взрыва не пострадал, если не считать того, что его одежда и волосы были опалены раскаленным воздухом и паром, вырвавшимся из развороченного котла.

На секунду все замерло. Аксель смотрел в глаза бывшего доктора Оберга, который, конечно, не умер даже после такой серьезной травмы. В глазах одержимого появилось знакомое выражение – Аксель видел такое уже много раз. Такое выражение появлялось на лицах одержимых каждый раз, когда они осознавали, что умирают. Легкое недоумение, переходящее в досаду и разочарование. Будто во время выполнения какой-то работы инструмент сломался прямо в руках. Ни боли, ни страха. Охотник спустился еще чуть ниже и пнул одержимого в лицо. Гро Оберг молча выпал из трубы, прямо на кучу угля, который разгорался все сильнее. Аксель не стал дожидаться, когда он умрет окончательно. Дышать и без того было уже почти невозможно. Он развернулся и пополз вверх, стараясь дышать как можно реже. Через пару метров уперся головой в кочегара, которому так и не удалось взобраться хоть немного выше.

– Если ты потащишь еще и меня, точно не выберешься, парень, – кашляя, прохрипел кочегар. – Впрочем, ты и без меня не выберешься.

Аксель ничего не ответил, продолжая толкать вверх себя и калеку. Воздух в трубе становился все горячее, и в нем было все больше дыма. Охотник старался не дышать. Если бы не дым, Аксель без труда смог бы взобраться по трубе. Ее размер как раз подходил для того, чтобы, упираясь спиной, отталкиваться руками и ногами и ползти вверх. И не так уж длинна была эта труба – всего-то десяток метров отделял минус второй этаж, на котором находилась котельная от поверхности. Но с каждой секундой двигаться становилось все труднее. Сознание плыло, горло нестерпимо саднило от горячего дыма. К тому же сама труба быстро нагревалась, касаться металла стало больно. Впрочем, по сравнению с болью в обожженном горле это были сущие пустяки. Мыслей в голове не осталось, осталась только последовательность действий, которую нужно было повторять, чтобы продолжать двигаться. Правая рука, левая нога, подтянуться, левая рука, правая нога, подтянуться. Не обращать внимания на боль. Повторить последовательность. И снова. И снова. И снова. Аксель забыл о том, для чего это делает. Он не открывал глаз – смотреть было не на что, а дым очень резал глаза. Если бы сознание было чуть яснее, охотник, наверное, отчаялся бы, но в отравленном угарным газом мозгу не оставалось места для отвлеченных мыслей. Только поочередно передвигать ноги и руки.

Все-таки он выбрался. Сначала на несколько секунд стало гораздо тяжелее – так тяжело, что он почти начал соскальзывать вниз. Позже Аксель понял, что в этот момент кочегар, сидя у него на плечах, толкал изнутри крышку люка, закрывающего трубу снаружи. Потом тяжесть с плеч неожиданно исчезла вовсе, на что охотник даже не обратил внимания, лишь мимоходом порадовавшись, что двигаться стало легче. Потом привычная последовательность действий нарушилась, руки провалились в пустоту. Аксель почувствовал тупое удивление, не понимая, что делать дальше. Он бы, наверное, так и не сообразил, если бы глоток чистого, холодного воздуха не вернул на секунду сознание. Ухватившись за край трубы, он вытянул себя наружу и упал на землю.

Акселю было плохо. Конечно, не так плохо, как еще несколько секунд назад, когда он лез по бесконечной трубе, но все равно самочувствие было так далеко от сносного, что даже не верилось. Голова раскалывалась, зрение плыло, слух отключился полностью – охотник не слышал ничего, кроме своего сердцебиения. Кожа горела, легкие горели. Аксель понимал, что ему необходимо подняться на ноги. Если он не встанет, позволит себе потерять сознание, никто так не поможет ему и его товарищу по несчастью, ведь они по-прежнему находились на территории клиники. Территории, огороженной высоким забором, за которым ничего не видно. Можно было бы позвать на помощь, только много ли скажешь с обожженной глоткой? Аксель попытался было, но вместо крика изо рта вырвалось сипение. Встать, впрочем, тоже не получилось. Пришлось ползти. Сориентироваться в таком состоянии охотник был не в состоянии. Глаза слезились и почти ничего не видели. Он приоткрыл их ненадолго, когда почувствовал, что уперся в стену, огораживающую здание психиатрической клиники, а потом пополз вдоль, надеясь только, что выбрал более короткий путь к калитке. Отравленный угарным газом мозг отказывался фиксировать время – Акселю казалось, что он вообще не движется, что прошла уже целая вечность с тех пор, как он пробирается вдоль стены. Он не терял сознание только потому, что каждое движение, каждый вдох приносил боль. Открыть калитку он не успел – в тот момент, когда охотнику удалось подняться на колени, чтобы дотянуться до засова, дверь вылетела вовнутрь.

Аксель лежал, придавленный тяжелой металлической дверью, смотрел слезящимися глазами в небо и любовался высоченным столбом дыма, вырывавшегося из той самой трубы, через которую они с кочегаром выбрались. Мимо пробегали пожарные в тяжелых, обшитых тканью из асбеста ботинках, не замечая охотника. А охотник изо всех сил пытался задавить в себе громкий истерический смех.

«Вот ведь идиот, – думал Аксель. – Мог бы и сообразить, что такой сигнал не заметить невозможно. Мог бы лежать на травке и спокойно отдыхать, вместо того, чтобы тратить силы и куда-то ползти».

* * *

Впоследствии выяснилось, что самые неприятные травмы Аксель получил именно в последний момент, когда был придавлен злосчастной калиткой. Если, конечно, не считать тяжелого отравления угарным газом.

– Когда тебя нашли, все решили, что ты какой-то неведомым образом забредший в Пенгверн бедолага с южных островов, – со смехом рассказывала ему Ида Монссон спустя несколько недель. – Потом тебя раздели, отмыли и решили, что ты и вовсе непонятно кто. Таких краснокожих у нас и не видели. Очень ты, знаешь ли, равномерно прокоптился. Красивый такой цвет, кирпично-красный. И пахло соответствующе, уж поверь – я ухитрилась прорваться в твою палату в тот же день, как тебя доставили. Как только услышала, что клиника горит, так сразу же туда и рванула. Рассудила, что это наверняка твоих рук дело, и в тот же час направилась туда. Ну а оттуда уже в ближайшую больницу. Так что говорю истинную правду, сама видела. Пах ты так, что у меня аж слюнки потекли. Лекари поначалу сомневались, стоит ли тебя вообще лечить – никто ж не знал, что ты охотник. Думали, кто-то за пациентом не уследил и ты там

поджог устроил. А тогда какой смысл тебя лечить, если все одно на виселицу? Хорошо, доктор Экстрём ненадолго очнулся, рассказал, как было дело. Ну а там и я уж подросла.

Аксель посмеивался, слушая объяснения наставницы. Упоминание Экстрёма с префиксом «доктор» заставило молодого человека прервать собеседницу:

– Подожди, Ида. Почему ты называешь его доктором?

– Потому что он и есть доктор, – удивилась Ида. – Тот одержимый решил сделать из него кочегара. Очень разумная тварь. Понимал, что зимой пациенты померзнут, и решил позаботиться об отоплении. Знал, что у Экстрёма нет близких родственников, искать его никто не будет. Ему нужен был кто-то адекватный, чтобы работать в котельной, так что пациенты не подходили. И другие доктора тоже. Всем остальным докторам он устраивал несчастные случаи – никто ничего не заподозрил.

– А что с пациентами? – нашел в себе силы спросить Аксель. Он уже несколько дней мучился от неизвестности, но не решался поинтересоваться у врачей, что стало с пленниками одержимого. Охотник надеялся, что они погибли в пожаре, и боялся этого. Быть виновником гибели несчастных не хотелось, несмотря на то, что для них это было бы избавлением.

Гра Монссон пожала плечами.

– Сейчас они на излечении в госпитале. От пожара никто не погиб, если ты переживаешь об этом. Всех вытащили. Несколько пожарных сами чуть не повредились рассудком, когда увидели пыточные. Пациентов подлатают и распределят по другим психиатрическим клиникам, почти всех. Нескольких отпустят по домам... – Ида невесело усмехнулась. – Ты знаешь, оригинальная методика лечения «доктора Оберга» оказалась отчасти действующей. За время издевательств к нескольким пациентам вернулся рассудок. Впору принимать метод на вооружение. Впрочем, еще несколько окончательно утратили связь с реальностью: они теперь не представляют опасности ни для окружающих, ни для себя. Таких тоже вернут родственникам, у кого они есть. Всем, у кого сохранилась хоть капля рассудка, обеспечат наилучшее протезирование утраченных конечностей за счет муниципалитета и назначат пенсию. Так что можешь не мучиться совестью. От устроенного тобой пожара не пострадал никто, кроме самого Оберга. Эта тварь оказалась на диво живучей. Его обугленные кости нашли у двери в котельную. Он почти успел выбраться. Петли держались на честном слове.

– Может, было бы лучше, если бы они сгорели? – спросил Аксель, не поднимая глаз. – Они ведь все равно больны. И будут такими до конца жизни.

– Хрень все это, ученик, – с неожиданной злостью ответила Ида. – Полная хрень. Каждый разумный сам решает, жить ему или подохнуть. И сам несет ответственность за это решение. И тот факт, что большая часть этих бедолаг не в состоянии решить за себя, не дает права ни тебе, ни мне, ни кому бы то ни было еще принимать это решение за них.

Аксель не стал спорить. Он и сам не знал, зачем задал этот вопрос. Но и такой уверенности, как его наставница, все равно не испытывал. Когда лекари позволили ему подниматься с кровати, он первым делом нашел в одной из соседних палат Экстрёма. Бывший кочегар пострадал не так сильно, как Аксель, но из палаты выходить не мог – ему уже начали приживлять протезы, которые должны заменить потерянные руки и ноги. Доктор очень обрадовался, увидев охотника:

– А, молодой человек! Как хорошо, что вы пришли! Я бы навестил вас, чтобы поблагодарить за то, что не оставили меня в том аду, но, как видите, мне это сейчас противопоказано, – он кивнул на многочисленные трубки, связывающие обрубки его конечностей с какими-то загадочными медицинскими механизмами. Несмотря на свое беспомощное состояние, психиатр выглядел намного лучше, чем при первом знакомстве. Волосы, отмытые от угольной пыли, оказались седыми, и теперь доктор щеголял роскошной косой на голове и бородой, заплетенной в несколько десятков косичек. На лице Экстрёма была укреплена сложная система линз, сопряженных с какими-то механизмами. Крохотные медные трубочки пронзали череп доктора, ухо-

дили в глазницы. Акселью уже приходилось видеть такие приборы – их устанавливали тем, кто потерял зрение. Конечно, медицина не могла помочь тем, у кого уничтожены глазные нервы, но тем, кто просто потерял глаза, можно было вернуть зрение. Правда, это было очень дорого.

В общем, теперь Аксель видел перед собой благообразного и представительного мужчину средних лет, даже больничная пижама не умаляла достоинства доктора.

– Вы не сердитесь, что я не дал вам остаться там? – спросил Аксель.

– Нет, молодой человек, вовсе нет. Я вам действительно очень благодарен, – серьезно ответил гро Экстрём. Линзы на его лице с жужжанием провернулись, сфокусировавшись на охотнике. – Я не думал, что пережить то, что я пережил, возможно. Когда я понял, что мы выбрались, думал, все равно не смогу вернуться к нормальной жизни. Не поверите, мне было страшно, что вокруг меня нет привычных стен. Я до сих пор просыпаюсь в ужасе, понимая, что котел потух и гро Оберг вот-вот придет, чтобы меня наказать. Я был уверен, что больше никогда не смогу работать в психиатрической клинике, и не знал, чем зарабатывать на жизнь. Когда мне вернули зрение, я с трудом узнавал окружающий мир. И я не знал, что мне делать.

За последний год я стал отличным кочегаром и уверен, более уютного места, чем котельная, мне не найти. Но в котельную я тоже не хочу возвращаться, иначе рано или поздно просто рехнусь, уж я-то знаю. Должен сказать, мне очень помогла ваша наставница. Восхитительная женщина! Такая энергичная! Когда я имел неосторожность поделиться своими сомнениями, она меня просто высекла морально! Честно признаюсь, мне никогда не было так стыдно. Однако она подала мне отличную идею. Вы знаете, что психологией одержимых, оказывается, никто не занимается? Охотники за несколько веков собрали огромное количество наблюдений, которые никто не систематизирует и не изучает. Никогда бы не подумал, что такое возможно. Вы отлично знаете их физические возможности, их повадки, даже процессы, протекающие в их организмах, но никто так до сих пор не выяснил, что движет одержимыми! Я решил заняться этим вопросом. Врага надо изучать. Мне известно, что после Катастрофы, когда одержимые только начинали появляться, их несколько раз ловили, пытались за ними наблюдать... Но они не могут долго существовать, если не приносят мучений окружающим, а этого, конечно, им никто делать не позволял. В результате пойманные одержимые хирели, впадали в апатию, и, в конце концов, неизменно умирали. Но от общения-то они не отказываются! Мне бы очень хотелось побеседовать с одержимым в спокойной обстановке. Я буду ходатайствовать, чтобы охотники, буде им представится такая возможность, оставляли одержимых в живых. Я отлично понимаю, насколько это сложно, и не прошу, чтобы ради поимки одержимого охотник рисковал своей жизнью. Но ситуации бывают разные. Если это не будет требовать от охотника дополнительных усилий, я бы очень хотел такого получить. Я уже написал письмо в муниципалитет, чтобы мне выделили помещение, и думаю, мне не откажут. Надеюсь, эти исследования принесут пользу.

Аксель видел, что гро Экстрём готов говорить о своей идее бесконечно. Руководствовался ли он ненавистью, или это было желание поскорее сосредоточиться на деле, чтобы заглушить тяжелые воспоминания, в любом случае, цель была – на взгляд Акселя – вполне достойная.

Они еще долго говорили с доктором, обсуждая те изменения, которые повлечет за собой случай с одержимым в психиатрической клинике. Инструкцию для регулярной инспекции этих заведений начали разрабатывать, когда Аксель лежал в своей палате. Охотник рассказал о своих личных наблюдениях за одержимыми.

– Мне кажется, только вселившись в человека, они не могут сдерживаться, – говорил Аксель. – Они убивают всех, кто рядом, и хотя стараются замечать следы, их все равно достаточно просто вычислить. Но если одержимый действует давно, он становится более осторожным. Старые одержимые не только сильнее, их еще и вычислить сложнее. Они могут по несколько дней никого не пытаться, кажется, они становятся более... сытыми, что ли? Думаю,

любой охотник скажет вам, что одержимые как-то питаются нашими страданиями. Им необходимо мучить кого-нибудь или просто находиться рядом с существом, которое испытывает отрицательные эмоции. Но если «еды» много, они становятся более изощренными. Я и раньше замечал что-то подобное, и случай с вашей клиникой только подтверждает мои выводы.

– Для чего же им нужна эта, как вы говорите, пища? – с живейшим интересом спросил гро Экстрём.

Аксель развел руками:

– Этого я не знаю. И никто не знает, мне кажется. Был один случай, еще когда я был совсем мальчишкой и только поступил в обучение. Мне тогда встретился очень старый одержимый, и он что-то говорил о том, что уже почти готов... Впрочем, лучше спросите об этом Иду, когда вас отпустят из клиники. Я плохо помню тот случай, да и толком не понимал, что происходит. – На самом деле Акселя просто было неприятно вспоминать ту первую охоту в районе Пепелище. К тому же он и в самом деле считал, что наставница объяснит лучше.

На следующий день Акселя отпустили из клиники. Несколько дней он просидел в своем номере в гостинице, не находя себе дела. Случаев массовых убийств нигде не было. Такое затишье изредка случалось, так что ничего удивительного в этом не было, хотя обычно бывало наоборот – все охотники заняты либо проверкой подозрительных мест, либо расследованием очередной вспышки насилия, и только закончив одно дело, приходилось тут же браться за другое. На пятый день Аксель понял, что так больше продолжаться не может. Мысли все время возвращались к той девушке из клиники, Анне. Он вспоминал, какими глазами она смотрела на него, когда ее забирали из стеклянного ящика напротив. Вспоминал, в каком состоянии он нашел ее, когда искал способ убить одержимого.

Найти девушку оказалось не так-то просто, особенно, если учесть, что он не знал ее фамилии и не был уверен, правильно ли расслышал имя. Пожалуй, если бы не распоряжение муниципалитета всемерно содействовать охотникам, врачи, занимавшиеся пациентами, и вовсе не стали бы этим заниматься. Однако в статусе охотника есть некоторые плюсы, и через два дня Аксель держал в руках бумагу с адресом клиники, в которой теперь находилась «Анна Линд, пациентка восемнадцати лет от роду, сирота, нетрудоспособная». Ехать пришлось на родину, в район Шахт, чего Аксель делать не любил. Он всегда как праздник воспринимал встречи с родными, но предпочитал, чтобы они происходили на нейтральной территории. Дома было слишком много соседей, которые знали его еще мальчишкой. Терпеть их любопытство, а порой и неприязнь, было тяжело. Хотя никто из знакомых не позволял себе быть нетактичным или, тем более, грубым, слушать шепотки за спиной, замечать настороженные или чересчур заинтересованные взгляды, или наоборот, вежливо улыбаться в ответ на натянутые улыбки и отвечать на многочисленные, но всегда одинаковые вопросы, было неприятно.

– Эй, Аксель, дано не появлялся в наших краях! Скольких одержимых убил за последние декады?

Или:

– Ой, привет, Аксель, отлично выглядишь! Не пожалел еще, что пошел в охотники?

Акселю хотелось ответить «не дождетесь», но нужно было соблюдать правила этикета. В такие моменты даже с некоторой ностальгией вспоминались времена ученичества, когда многие не скрывали своей неприязни – не нужно было улыбаться дуракам и мерзавцам. В последнее время относиться к охотникам с презрением стало не модно, однако природу разумных существ не переделать. Тех, кто отличается от тебя, принято бояться и ненавидеть. Обычно Аксель не задумывался о таких вещах и не обращал внимания даже на хамство, но визиты в отчий дом всегда наводили на размышления бессмысленные и оттого неприятные вдвойне. Тем более в этот раз, когда настроение и без того было не радужным. Даже искренняя радость родителей, пребывавших в восторге от неожиданной встречи с сыном, не исправила дурного настроения. На второй день праздности Аксель понял, что изо всех сил оттягивает посещение

больницы. Он просто боялся увидеть результат своих действий... Или, скорее, результат бездействия. Пришлось брать себя в руки и идти в клинику.

«Клиника милосердия» была намного меньше, чем недоброй памяти «Королевская надежда». В детстве Аксель не раз проходил мимо этого здания и даже не знал, что за учреждение в нем находится. Догадаться было бы непросто – здание имело даже какой-то праздничный вид, штукатурка была выкрашена в бирюзовый цвет, а за окнами виднелись синие занавески с кокетливыми белыми цветочками по краям. И конечно, никаких решеток. Удивительно, но и чутье охотника молчало. Какое-то напряжение чувствовалось, но совсем не так, как возле клиники «Королевская надежда». Аксель поднялся по ступеням крыльца и позвонил в колокол. Только после этого он сообразил, что так и не придумал, как будет объяснять, зачем же он хочет видеть Анну Линд. «Чего доброго решат, что я подозреваю в ней одержимую, – подумал молодой человек. – Хоть бы переоделся в гражданское, бестолочь! Как теперь объясняться?» Униформы у охотников не было, но большинство из них предпочитали этакий полувоенный стиль. Гражданскую одежду Аксель надевал только по особым случаям, и, конечно, в этот раз он просто забыл переодеться.

Оказалось, охотник зря себя корил. Дверь открыла молоденькая медсестра, которая, увидев Акселя, всплеснула руками и спросила:

– Ой! А вы, наверное, к Анне пришли? Вот здорово! Заходите скорее, мне кажется, она вас очень ждет!

Аксель был так удивлен приемом, что даже попятился:

– Почему вы думаете, что она кого-то ждет? И откуда вы меня знаете?

Девушка хихикнула:

– Потому что я вас видела! Да вы сейчас сами все поймете. Пойдемте скорее.

Заинтригованный донельзя, Аксель проследовал за медсестрой. Они поднялись на второй этаж и остановились перед дверью одной из палат:

– Только тихо, хорошо? – прошептала сопровождающая. – Она еще боится резких звуков и, вообще, не любит, когда ее отвлекают. Проходите.

Аксель осторожно шагнул в открытую дверь. Анну он заметил не сразу – настолько поражен был увиденным. Все стены комнаты были увешаны картинами. Мрачные это были картины. Анна рисовала клинику «Королевская надежда». Рисовала талантливо. И оттого только сильнее чувствовалось отчаяние и боль, которые пронизывали рисунки. Но поразило охотника не это. Странно было то, что на нескольких картинах присутствовал он сам – не узнать было невозможно. Сюжет на всех рисунках, на которых присутствовал охотник, был один и тот же: Аксель поражал тьму. Почему-то доктора Оберга девушка никогда не изображала в образе человека – это всегда было какое-то бесформенное существо, в котором как-то угадывались черты доктора, даже если у него на этой картине вовсе не было лица. Аксель, напротив, был нарисован очень тщательно, со вниманием к деталям и неизменно в светлых тонах. Вообще на всех картинах яркие, светлые краски использовались только для того, чтобы нарисовать самого Акселя. Все остальное будто тонуло во тьме, но охотник при этом как будто светился. Аксель вспомнил, что подобное он уже видел. Картинки из учебников истории. Так в эпоху до Катастрофы было принято изображать посланников богов, героев и святых. В остальном картины, которые видел Аксель сейчас, не были похожи на старинные, но были по-своему очень красивые, хоть и навевали тревожные ощущения. И, по-видимому, отлично передавали настроение художницы. Акселя стало не по себе. Он виделся девушке избавителем – но ведь на самом деле он не сделал ничего, чтобы спасти ее! Он вообще не думал о пациентах в тот момент, его целью было прикончить проклятого доктора Оберга.

Впрочем, были там и другие картины, и это очень обрадовало Акселя. На них были изображены совсем другие, не связанные с больницей сюжеты.

– Привет, Анна, – тихо сказал молодой человек.

Девушка отвлеклась от очередной картины и посмотрела на охотника. Лицо ее осветилось улыбкой, и она, уронив кисточку, легко вскочила и подбежала к Акселю, крепко ухватив его за руки. Теперь он видел шрамы на тыльных сторонах ее ладоней, там, где их пробивали гвозди, которыми одержимый приколотил ее к стене. Доктор Оберг не успел вдосталь поиздеваться над девушкой после того, как перевел ее в пыточную. Но того, что ей пришлось пережить, было достаточно, уж это Аксель знал по себе. И при этом она сохранила способность улыбаться. Девушка стояла, ухватившись за его руки, смотрела на охотника, а он не знал, что сказать и как себя вести.

– Я тебя нарисовала, – наконец сказала она. – Тебе нравится?

– Очень нравится, – честно ответил молодой человек. – У тебя настоящий талант. Думаю, ты станешь очень известной художницей, люди будут приходить на выставки твоих картин.

– Правда? Вот здорово! Я хочу быть известной художницей. Спасибо тебе.

– Ты так меня благодаришь, будто совершенно уверена, что так и будет.

– А как же иначе? Ты всегда говоришь правду.

– Кхм... Почему ты так решила?

– Когда мы были там, где нас ели, ты сказал, что убьешь его. Того, кто нас ел. И ты его убил. Ведь он почти наелся, почти стал богом, а ты смог его убить и освободил меня и всех других, тех, кто кричал и так долго не мог умереть. Я тогда тебе поверила, хотя это было невозможно, как я могу не поверить теперь? И Марта тоже говорит, что, если что-то очень любишь делать, то со временем обязательно будет получаться все лучше и лучше... Только эти картины, – она кивнула на сцены из психлечебницы, – я на выставке показывать не буду. Это только для меня. Не хочу, чтоб тебя увидели другие голодные. Ты ведь еще не всех убил.

Анна еще долго рассказывала о том, как ей нравится рисовать, показывала свои картины, и даже ту, что еще не закончила. Сказала, что никому не показывает еще не законченных картин, но Акселю можно. Охотнику было жутко от того, насколько сильно ему доверяет эта несчастная девушка. «И что меня дернуло ляпнуть так неосторожно, что она станет известной? – корил себя охотник. – Впрочем, возможно, я и не ошибаюсь», – признал молодой человек, с восторгом рассматривая пейзаж: темные крыши, свет луны, пробивающийся сквозь облака, и ночная птица, парящая в лунном свете. Он так и не решился переспросить Анну, почему она считает, что доктор Оберг «наелся и почти стал богом». Не захотел лишний раз заставлять девушку вспоминать кошмар. Только подивился, как странно может воспринимать действительность не совсем здоровый человек.

– Ты ведь будешь ко мне приходить? – спросила Анна, почувствовав, что он собирается уходить. – Я еще не могу отсюда уйти. Голоса больше не заставляют меня убить себя, и я даже знаю, что они мне только кажутся, но я все равно их еще слышу. Здесь очень хорошо, Марта хорошая, и другие девушки, но я все равно тебя ждала. Когда я говорила, что ты придешь, Марта мне не верила. Она мне не говорила, не хотела расстраивать, но сама думала, что ты меня забыл. А я почему-то знала, что ты придешь.

– Я обязательно буду тебя навещать, Анна, – пообещал охотник.

Марта проводила Акселя до выхода. Уже у самой двери он не выдержал:

– Скажите, Марта, у нее есть шансы когда-нибудь излечиться?

Сиделка вздохнула.

– Иногда кажется, что она понимает больше, чем мы, сохранившие ясность рассудка. – Покачала головой девушка. – Анна много говорит о вас. Я не все понимаю... вернее, вообще почти не понимаю того, что она рассказывает. Но я и подумать не могла, что однажды вы придете к ней. Мы здесь знаем о том, что произошло в лечебнице «Королевская надежда». Без подробностей, конечно, но уж о том, что там был охотник, который маскировался под больного, нам известно. Там ведь было много таких, как Анна? Почему вы решили именно ее навестить?

– Так уж получилось, что только с ней я успел познакомиться, когда там был. Она помогла мне... А почему решил прийти? – Аксель помялся. – У меня была возможность прекратить ее мучения. Ее и других больных. Но я этого не сделал, не хватило духу. Теперь я думаю, что это хорошо.

Орктаун

Орктаун, район почти на самой окраине Пенгверна, не пользуется популярностью среди людей. Их здесь вообще почти не встречается. Попасть сюда можно случайно, и тогда велика вероятность, что неудачника на следующий день найдут голым и избитым где-нибудь на окраине соседних районов, а то и вовсе никогда не найдут. Также можно оказаться тут по приглашению кого-то из жителей – очень редкий случай. В этом случае гость находится в безопасности, если, конечно, ему в голову не приходит фантазия прогуляться в одиночестве, без сопровождения кого-нибудь из местных. Здесь также терпят полицию, хотя представители этой службы из других районов предпочитают появляться здесь только в крайней необходимости и группой не менее пяти разумных. Охотник в Орочьем районе тоже был свой, гро Кургрис. Аксель был с ним знаком и относился к нему с искренним уважением, не в последнюю очередь за то, что этот во всех отношениях достойный разумный добровольно согласился жить в такой клоаке. Обычно, если среди жителей района находится кто-то достаточно способный, настойчивый и трудолюбивый, чтобы переехать куда-нибудь подальше, он больше никогда не возвращается на родину. Предпочитает скучать по ней издалека.

Остальные охотники традиционно тоже предпочитают обходить Орочий город стороной, но иногда случаются какие-нибудь накладки. Так и сейчас. Гро Кургрису не повезло во время последней охоты, и, когда случилось массовое убийство на улице Великого Нермзоша, он не смог заняться поисками; эта обязанность легла на Акселя, который на свою беду как раз закончил охоту в соседнем районе и оказался ближе всех и самым свободным из охотников на данный момент.

Аксель, как и все жители Пенгверна, Орктаун не любил. Особенно опасно для него здесь не было – все охотники, даже охотники-люди вызывают у орков суеверный страх, чуть ли не более сильный, чем страх перед самими одержимыми. Не то чтобы орки были неспособны перебороть этот страх, просто это чувство у них подкрепляется внушительным арсеналом, с которым обычно не расстаются охотники. Так что грубостей по отношению к Акселю орки себе не позволяли, если не считать за таковые выкрики в спину с пожеланием валить обратно в Пенгверн или чтобы «кочевые» вступали в интимные отношения с матерями всех «оседлых». Аксель еще в первое свое посещение Орктауна перестал обращать на это внимание. Поначалу не понимал, почему, если обратиться к местному лично, он отвечает очень вежливо и даже подобострастно, но стоит отойти на несколько шагов, как недавний собеседник сразу превращается в «кочевого», а Аксель соответственно в «оседлого». Последнее Акселя особенно удивляло. Большинство жителей Орочьего города не видели степь даже на картинках в учебнике, потому что учебников в руках отродясь не держали. Настоящие степные орки, случись им забрести в этот неблагополучный район, отказывались считать его жителей представителями своего народа. Да что там говорить, почти никто из местных ни разу в жизни не видел даже лошадь, хотя всем известно, что орк без коня – не орк. Однако местные орки, несмотря ни на что, продолжали упорно считать себя кочевниками и на этом основании презирали всех, кто таковыми не являлся. При этом они не переставали забрасывать магистрат требованиями оказать помощь в сохранении их древней культуры и традиций, а также обвинениями в том, что их угнетают по расовому признаку. Аксель этого не понимал. «Вполне резонно, что никто не любит бездельников, пьяниц и воров. И если так уж получилось, что пьянство, воровство и безделье оказалось вашей расовой традицией, не удивляйтесь, что такую расу никто не любит. Хорошо хоть, большинство прекрасно понимают, что эти самые традиции характерны только для той части народа, что обосновалась в Орочьем районе, а то чего доброго, и правда, всех орков бы невзлюбили».

В общем, Аксель в Орктауне раздражало все. Грязь и мусор на улицах, ветхие лачуги, построенные из того же мусора и грязи, грязные, вечно попрошайничающие дети, сверкающие свежими и не очень синяками нетрезвые женщины, спесивые «хозяева стад», довольно обозревающие свои владения и «подданных». Раздражало то, что приходилось тащить с собой изрядный запас еды: знаменитая орочья кухня здесь была представлена несколькими омерзительно грязными забегаловками, есть в которых было бы настоящим безумием. Безопасно это было только для закаленных и привычных организмов местных жителей.

Тем не менее, где-то здесь недавно нашли несколько десятков зверски замученных разумных, а значит, появился новый одержимый. И работать было необходимо. Особенно удручало понимание того, что работа затянется – район достаточно большой, чтобы проверить его весь, понадобится не меньше чем несколько дней. Единственное, что хоть немного примиряло с действительностью, это отсутствие необходимости искать жилье. Вместе с заказом на поиск и убийство одержимого Аксель получил приглашение от гро Кургриса остановиться в его доме на время посещения Орочьего района. Не придется платить деньги за удовольствие получить ветхий матрас на полу грязной хижины и комплект кровососущих насекомых в довесок.

Аксель, не обращая внимания на окружающую грязь и неустроенность, глядя только себе под ноги, чтобы не вступить в лужу или результат жизнедеятельности мелкой домашней скотины, а то и владельцев этой скотины, спешил быстрее найти дом охотника. И без того серое небо стремительно темнело, и поторопиться было действительно необходимо – в темноте найти нужный дом в этом хаосе не представлялось возможным. Аксель благодарил судьбу, что ему уже доводилось гостить у гро Кургриса, иначе он и при свете дня рисковал блуждать по району до скончания времен. Улиц как таковых здесь не существует, как нет и хоть каких-то указателей или хотя бы ориентиров. Все хижины одинаково невзрачны и находятся на разном, совершенно непредсказуемом расстоянии друг от друга. Где-то жилища прижимаются одно к другому, будто двое сирот на морозе в поисках тепла, потом вдруг неожиданно появляется неопрятный пустырь, заросший бурьяном, и все это соединено между собой кривыми тропинками, проложенными без всякой системы и смысла.

Дом охотника стоял в центре одного из пустырей. Казалось, ветхие времянки, напуганные таким соседством, старались держаться от него подальше, отодвинуться, даже если для этого придется расталкивать боками других. Такое по крайней мере создавалось впечатление. Гро Кургрис, в отличие от своих соседей, о своем жилище заботился. Он, как и все здешние орки, гордился своими корнями, историей своего народа, но предпочитал доказывать это делом. Свою юрту он строил сам, и, хотя ее нельзя было собрать за день, чтобы сложить в кибитку и увезти на другое пастбище, она действительно напоминала аутентичное орочье жилище. Была она гораздо выше степных, потому что в Пенгверне не нужно бояться ветра, войлок стен удерживали основательные и мощные столбы, вкопанные в землю, а не жерди, а в центре шатра виднелась каменная труба печи, однако при первом взгляде становилось ясно, что в этом доме действительно помнят о своих корнях. Чувствуя спиной пристальные взгляды соседей, Аксель пробрался в дом. Гро Кургрис прекрасно знал, чего можно ожидать от своих вороватых, не знающих благодарности соседей, потому позаботился о том, чтобы обезопасить свое жилище – помимо забора оно было окружено множеством ловушек, о чем сообщала надпись на калитке: «Вошедшего без приглашения ждет смерть». Надпись была продублирована красноречивой и понятной даже неграмотному орку картинкой с белым черепом.

Изнутри жилище гро Кургриса тоже было непривычным для жителя Пенгверна. Шатер не был разделен на отдельные помещения, так что обозреть интерьер можно было уже от входа. Пол и стены были устланы мягкими коврами с длинным ворсом, красочными и разнообразными рисунками. Тут были и абстрактные узоры, и вытканые животные, сцены из быта и битвы, охоты, эротические сюжеты... Тут же на стенах висело оружие охотника, вдоль стен расставлено несколько сундуков. По полу в беспорядке разбросаны подушки и одеяла,

несколько низких столиков на гнутых ножках стояли тут и там, уставленные закусками или с разложенными на них книгами, а в центре всего этого гордо возвышалась печь, монолитная, белая, покрытая синими узорами, похожая на единственный оплот порядка в этом царстве хаоса. Удивительно, но несмотря ни на что, в доме было очень уютно. Хотелось задержаться подольше, присесть, а лучше прилечь на какое-нибудь одеяло, вдумчиво и неспешно разглядывать ковры, попивая темное тягучее вино, а, если глаза устанут, можно перевести взгляд на открытую печь и любоваться пляшущими языками пламени. Акселю пришлось совершить над собой усилие, чтобы найти среди всего этого хозяина, чтобы заметить, как тот откладывает в сторону метатель и призывно машет рукой. Гро Кургрис даже на вид отличался от собратьев из Орочьего города. Поджарый и покрытый шрамами, он скорее напоминал настоящего степного жителя, чем его городские собратья, привыкшие к относительно сытой и праздной жизни. Теплый домашний халат смотрелся на нем чужеродно, да он и был чужероден, стоило чуть присмотреться. Чуть откинувшаяся пола халата открывала перевязь с кобурой, пересекающую жилистую грудь – даже в своем доме орк был готов к драке. Единственное, что отличало его как от степных собратьев, так и от городских – это высокий рост. Орк был всего на пару сантиметров ниже среднего человека, что говорило о возможной примеси человеческой крови – о таком было не принято расспрашивать, так что точно Аксель не знал. По возрасту Сакар был почти ровесником Акселя, но выглядел гораздо старше. Орки живут столько же, сколько и люди, но взрослеют быстрее, и в свои двадцать с небольшим у хозяина шатра был вдвое больший стаж работы охотником.

Аксель стянул сапоги и проследовал к гро Кургрису, который возлежал на возвышении из одеял и подушек в противоположном от входа конце помещения.

– Привет, дружище. Рад, что ты наконец до меня добрался. Прости, что не встаю навстречу гостю – видишь, в каком плачевном положении я теперь нахожусь, – орк кивнул на свои ноги, плотно затянутые в лубки. – Поэтому угощайся сам, чем найдешь, и присаживайся рядом.

– Как тебя угораздило, Сакар? – поинтересовался Аксель.

– Издержки охоты на одном месте, сам понимаешь, – пожал плечами орк.

Аксель понимающе кивнул. Охотники очень редко задерживались в одном районе. Обыватели часто интересовались, почему бы им не разделить город на участки, не распределить их между собой и не охотиться каждому в знакомом месте, которое охотник будет знать как свои пять пальцев. Так действительно было бы удобнее, если бы не одно «но». Обычно люди не учитывают того факта, что одержимый сохраняет память разумного, которым он был раньше. Если одержимый будет знать все о том, кто будет за ним охотиться, ему будет намного проще избегать встречи, а то и нанести упреждающий удар. Обычно, если охотник оседал на одном месте, это значило, что он уходит на заслуженный отдых. Такой охотник старался поселиться в тех местах, где его никто не знает, и в ближайших окрестностях с этого времени охотился только в исключительных случаях. Но не так было с гро Кургрисом – он был вынужден жить там, где охотится, и это очень осложняло его жизнь. Уже несколько раз разумный только став одержимым вместо того, чтобы по обыкновению уничтожить собственную семью или ближайших соседей, первым делом отправлялся к гро Кургрису, рассчитывая его прикончить, а уж потом спокойно заниматься любимым делом. Именно так, похоже, произошло и на этот раз.

– Охотиться становится все сложнее, – неприязненно морщась, жаловался Сакар. Аксель приготовился слушать. По предыдущим встречам он знал, что гро Кургрис любит пофилософствовать, и не видел причин отказывать орку в его маленьких слабостях. Торопиться пока было некуда. – Сам понимаешь, издержки оседлости. Вот честное слово, давно бы уехал отсюда, но как представлю, в какой рассадник одержимых превратится эта проклятая вечная стоянка, так страшно становится. Ты бы знал, как я мечтаю, что однажды все здешние отбросы разгонят, а на месте этой помойки построят что-нибудь стоящее. Я еще в юности, когда отсюда выбрался

и понял, как живут нормальные разумные, пытался сообразить, почему это до сих пор не сделано. Вывезти эту шваль из города, забрать детей, чтобы воспитать из них что-нибудь стоящее... Потом только понял, что все упирается в деньги, как всегда. Сияющие золотые гульденны, которых никогда не хватает. Чтобы очистить это место, нужно очень сильно потратиться. И еще общественное мнение. Благодаря Орочьему городу нормальные жители ненавидят и боятся даже моих степных братьев, но стоит только пройти слуху, что их хотят отправить обратно в степь, волна поднимется до небес. Те, кто сейчас предпочитает переходить на другую сторону улицы, увидев орка, первые начнут орать о геноциде и уничтожении «уникальной культуры». Проще каждый месяц бросать моим уважаемым соседям подачки, чтобы не возникали, и забыть о том, что здесь творится. Интересно, что они будут делать, если я сдохну до того, как найду преемника? Обнесут эту клоаку стеной и сделают еще одно Пепелище, не иначе. Зато самобытная культура сохранится. Всем плевать, что мою рожу здесь знает каждая крыса. Не поверишь, в последний раз одержимый расставил на меня ловушку. Сидел спокойно в той куче мусора, которую здесь называют юртой, резал потихоньку родных и соседей, а когда я его почуял и заявился, вместо того чтобы напасть, принялся убегать задворками. И я, как последний идиот, рванул догонять. Охотничий инстинкт сработал. Аксель, друг, мне стыдно в этом признаваться, но я попал в волчью яму! Как самый наитупейший из всех тупых баранов, я побежал на убой и просто свалился в яму с колями! Как мне удалось после этого все-таки прикончить одержимого, даже сам не могу объяснить.

Аксель с трудом удержался от того, чтобы перебить орка. Как всякий опытный охотник, он знал, что одержимые не занимаются физическим трудом. Еще одна черта, еще одна повадка, неизвестная широкой общественности, особенность, о которой не принято распространяться в среде охотников. Одержимые не работают. Они могут заставить работать кого-нибудь из своих жертв, если это для чего-нибудь нужно, но никогда не станут что-то делать самостоятельно.

— Да-да, не смотри на меня так... — заметил гро Кургрис ошеломленный взгляд Акселя. — Самая настоящая волчья яма, с отличными и крепкими притом колями на дне. Если бы я не знал, что это невозможно, я бы подумал, что кто-то ему добровольно помог! Ну не укладывается у меня в голове, что одержимый сам взял в руки лопату, и не для того, чтобы отрубить кому-нибудь ею лицо. Я тебе больше скажу, что-то подобное я замечал и раньше. Ты знаешь, на мелочи вроде как не обращаешь внимания, но когда мелочи начинают происходить регулярно, поневоле насторожишься. Аксель, драгоценный, после того, как я вернулся из больницы, я сижу здесь безвылазно вот уже декаду, и в моей голове начинают заводится неприятные мысли! Я. Не. Понимаю. Что. Здесь. Происходит. — Последнюю фразу Сакар выделил особо, стараясь подчеркнуть степень собственной растерянности, после чего резко сменил тему: — Аксель, дорогой, молю тебя, скажи мне, что у тебя в рюкзаке дальнобойный стреломет? Прошу, работай в этот раз издали! И не торопись, заклинаю! Я знаю, что работать издали не принято. Но поверь, если кто-то из местных помрет по ошибке, мир от этого ничего не потеряет. Лучше ошибиться, чем попасть впросак.

Аксель даже растерялся. Издали охотники «работали» только в самых крайних случаях — например, когда одержимый пытался прикрываться своими жертвами. Чтобы с уверенностью определить одержимого, нужно было оказаться к нему близко. И даже тогда оставались сомнения. Чтобы окончательно определиться, необходимо было спровоцировать одержимого на нападение. Только после того, как одержимый проявлял свои неестественные скорость, ловкость и силу, охотник мог быть уверен в том, что он не убьет невинного. Аксель гордился, что ему еще ни разу не приходилось объясняться за случайно убитого горожанина. За это не наказывали: любой охотник вполне официально имел «право на ошибку». Именно из-за этого охотников боялись обыватели: в народе было принято считать, что охотники имеют право убивать любого, кто ему не понравится. Это было очень распространенное заблуждение. На самом деле, за любую такую ошибку приходилось отчитываться, и отчитываться очень

серьезно. Охотник надолго терял доверие властей, каждый случай охоты с этих пор рассматривался крайне пристально, невзирая на результаты анализа крови убитого одержимого, который каждый охотник сдавал в обязательном порядке, если не был серьезно ранен или убит во время охоты. В этом случае кровь на анализ брали полицейские, которые оформляли происшествие. Аксель знал о существовании специальной службы контролеров, которая занималась исключительно расследованием каждой неудачной охоты. Служащих этой конторы Акселю видеть еще ни разу не доводилось, да он и не горел желанием с ними познакомиться. Однажды он пытался узнать подробности у своей наставницы, гра Монссон, но она лишь пожала плечами: «Если ты однажды прикончишь неодержимого разумного, то обязательно с ними познакомишься, мальчик. И поверь, ничего приятного в этом знакомстве не будет. Это такая морока, ты бы знал!» Из чего Аксель сделал два вывода: во-первых, Иде приходилось убивать невиновных; во-вторых, если наставнице не нравятся контролеры, то и он как-нибудь обойдется без них.

В общем, услышать просьбу работать издалека от одного из своих коллег, было странно и неожиданно. Аксель согласился, чтобы не волновать Сакара, но решил обдумать эту просьбу позже. Разговор вскоре ушел от рабочих тем, они еще долго общались, неспешно потягивая вино и обсуждая что-то малозначимое, и отошли ко сну уже далеко за полночь. А утром стало ясно, что вчерашнее обещание не вступать с одержимым в ближний бой выполнить будет нелегко. Ночью на город опустился туман.

Каждому жителю Пенгверна был знаком этот туман – тяжелый, серовато-белый, впитавший в себя запахи тяжелых металлургических производств, он ухудшал видимость и скрадывал звуки так, что можно было заблудиться даже в знакомом квартале. Это был не один из зимних туманов, которые падают на город внезапно и исчезают к обеду, да к тому же скрывают не слишком большую площадь, истончаясь уже через десяток километров и редко покрывая даже один район города целиком. Осенний туман приходил в Пенгверн надолго и длился не меньше декады, а иногда и целый месяц. Туман всегда приходил неожиданно, он мог проявиться в любой из осенних месяцев, и тогда город будто замирал – люди становились вялыми и неохотно выходили на улицы, предпочитая сидеть в теплых сухих домах возле горящего камина и дожидаться, когда осенняя непогода подойдет к концу. Идеальное время для одержимых. Можно почти безнаказанно приходить в чужие дома и убивать, убивать столько, сколько захочется, все равно никто не услышит криков. Аксель и любил и ненавидел охотиться во время тумана. Минусы очевидны – плохая видимость, на слух ориентироваться тоже не получается, даже чутье охотника могло работать нестабильно в это время. С другой стороны все, кто может, сидят по домам и не мешают заниматься своими делами.

В этот раз охотник даже почувствовал некоторое облегчение оттого, что воспользоваться советом приятеля не получится по объективным причинам. Аксель по давно укоренившейся привычке проснулся вскоре после рассвета и начал тихо собираться. Сакар еще спал, и молодой человек старался не разбудить товарища – тот накануне слегка перебрал с вином, зная, что на охоту идти не требуется. Аксель не стал брать с собой дальнобойный стреломет – все равно на ближайшую декаду от него никакого толку. Обошелся обычными средствами: два метателя в кобурах под мышками, один на поясе и один на правой ноге, на щиколотке. Помимо этого у Акселя с собой был армейский нож из отличной стали, с обоюдоострым лезвием около тридцати сантиметров длиной. Две пружинные сферы в кармане куртки находились там на самый крайний случай, Аксель с трудом представлял себе, как они могут понадобиться ему в столь оживленном месте, как Орочий район – использовать их здесь против одержимого значило почти наверняка убить заодно кого-нибудь из посторонних. Вообще наблюдался даже некоторый избыток оружия, но отказаться от чего-нибудь у Акселя не было сил. После случая в психиатрической клинике он с трудом заставлял себя расставаться с метателем, даже когда ложился спать, что уж говорить об охоте. Молодой человек сам понимал, что это не совсем нормально, что с такими вещами следует бороться, но пока ничего с собой поделывать не мог. Оставалось

только надеяться, что со временем воспоминания о приключениях в клинике потускнеют и психологическое состояние придет норму. Становиться одним из настоящих клиентов дома призрения не хотелось, даже если это окажется какое-нибудь милое заведение вроде того, где до сих пор находилась восходящая звезда пенгвернской живописи Анна Линд.

Особых неудобств от такого количества паровых метателей, правда, Аксель не испытывал. С того времени, как он обзавелся помощником, диким гремлином, особых проблем с вооружением вообще не было. Каждый новый образец, появившийся у охотника, бывал тщательнейшим образом разобран и доработан. Полуразумный зверек, спасенный от уличных мальчишек, давно повзрослел, обзавелся отличной мастерской в одной из комнат квартиры Акселя, которую тот снимал в районе Мастерских, и все время возился с железками. Не понимая точного предназначения предметов, которые ему попадали в руки, зверек, тем не менее, инстинктивно чувствовал, какие изменения следует внести в конструкцию, чтобы она стала легче, удобнее и надежнее. Если поначалу у него получалось не всегда правильно, то со временем это прошло, и теперь Аксель не уставал радоваться, что ему когда-то встретился дикий представитель этой любознательной расы.

* * *

Выскользнув в серый туман, Аксель отошел подальше от юрты и, глубоко вздохнув, принялся осматриваться. Искать одержимого обычным способом было бессмысленно. Радиус действия охотничьего чутья в таком тумане здорово сокращался, и чтобы обойти весь Орктаун, методично обследуя его в надежде почувствовать направление на одержимого, потребовалось бы слишком много времени. Одержимые знают, что на них ведется охота, и, если после своего появления успевают замучить хотя бы полторы дюжины разумных, приглушив первый голод, стараются непременно сменить место обитания и хотя бы ненадолго затаиться. Тогда искать их становится гораздо сложнее. Поэтому Аксель для начала отправился на место массового убийства, случившегося два дня назад. Вряд ли одержимый находился очень далеко оттуда. Обычно охотники не посещали сразу место преступления – незачем предупреждать одержимого о том, что охота уже началась, ведь соседи непременно заметят незнакомого разумного и, конечно же, начнут о нем сплетничать. Такие новости расходятся очень быстро, и вскоре описание охотника становится знакомым одержимому, в котором обычно никто такого не предполагает. В Орочьем районе использовать тактику, характерную для остального города было бы бессмысленно – здесь любой разумный, не принадлежащий орочьей расе, становится поводом для обсуждения. Аксель не сомневался, что о нем уже знает любой, у кого есть уши. А глухим описали жестами.

Проблемой было только найти это самое место преступления. Сакар накануне описал коллеге, где все произошло и как туда добраться, так что Аксель не сомневался, что найдет... Но также не сомневался, что для этого придется постараться.

Спустившийся на город туман облагородил Орктаун. Молочная пелена скрадывала безобразие и грязь, так что, если не присматриваться, можно было представить, что просто прогуливаешься по сельской местности где-нибудь на окраине Пенгверна. В такой ранний час население района еще не выбралось на улицы, сквозь туман доносился только редкий лай собак и крики домашней птицы. Вот только под ноги по-прежнему приходилось смотреть внимательно, чтобы не вступить в то, во что вступать не следует. Этого всемогущий туман скрыть не смог.

К тому времени, когда Аксель добрался до описанного Сакаром места убийства, время подходило к полудню. О приближении к этому месту охотник узнал заранее. Запах был непередаваемый, с множеством оттенков, но главные составляющие определить было несложно. Пахло мертвечиной и гарью. Запах он почувствовал первым. Потом сквозь туман стали пробиваться звуки – невнятный гомон толпы и чьи-то громкие, истеричные крики. Что кричали, было неясно, отдельных слов различить невозможно – говорил орк, а их трудно понять, когда они говорят между собой. Толпа отвечала согласным гулом на каждый возглас. Аксель недо-

умевал. Обычно в местах, где появляется одержимый, больших толп не собирается. И запахи были тоже очень непривычны. Молодой человек даже подумал, что опять сбился с пути и нужно снова искать ориентиры, но решил все-таки полюбопытствовать, отчего такой ажиотаж.

Картина, открывшаяся взору, ясности не добавляла. В нестройном ряду бестолковых мусорных домиков зиял черный провал пожарища. Открытого огня уже не было, но пара соседних халуп еще тлела – вокруг них с воплями и руганью бегали несколько орков, в то время как женщины пытались тушить загоревшиеся жилища. Большая часть толпы на проблемы соседей внимания не обращала – слушали вопли какого-то орка. Аксель так и не смог разобраться, что кричали. Проверив, на всякий случай, легко ли вынимаются метатели, охотник направился к пожарищу. Он уже понял, что сгорел именно тот дом, в котором произошло убийство. Пришельца заметили. Сначала замолчал оратор, с ужасом уставившийся на приближающегося охотника, потом стали оглядываться слушатели. Толпа начала рассасываться, и, когда охотник приблизился к пожарищу, возле места бойни остались только погорельцы, которые не обращали внимания на происходящее вокруг, пытаясь спасти свои пожитки, и сам крикун.

– Что здесь происходит? – строго спросил охотник. С этой публикой работал только командный голос.

– Уже ничего, добрый господин! Совсем ничего! – орк теперь выглядел не так, как еще несколько минут назад, когда вещал что-то для своих сородичей. Плечи опустились, лицо приобрело благостное и угодливое выражение, рост как будто уменьшился, даже цвет кожи, казалось, изменился, став светлее.

– Отвечай по существу! – прикрикнул охотник. – Почему пожар?

– Так одержимую спалили, господин охотник. Так, вместе с домом и спалили. Заодно и Рорга с детьми похоронили, а то лежат, воздух портят только зря. Ваши ведь доктора и говорят, что... негигиенично это, – справиться с непривычным словом у орка не получилось. – Вот и спалили всех разом. Очень удачно получилось. А вам даже и делать ничего не надо теперь, господин охотник. Одержимую-то спалили мы, сами спалили.

– С чего взяли, что она одержимая? Как удалось поймать? Как удалось уничтожить? – спокойно спросил молодой человек, хотя внутри все кипело от злости. Он ни на секунду не поверил, что оркам действительно удалось уничтожить настоящего монстра, а не невинную жертву. Он не ощущал поблизости ничего такого, но это могло значить только то, что одержимый уже куда-то переместился.

– Так, а кем еще ей быть? – удивился собеседник. – Рорга-то с детьми порезали, а баба егойная, вишь, жива-живехонька. Вроде как мать навещать уходила, на северную окраину, а сегодня, видать, решила еще раз на дело рук своих полюбоваться. Вроде как дошли до нее слухи, что погубили мужа-то ейного и детишек, и она, значит, прискакала. В дом-то сразу бросилась, давай выть, вроде как убивается по ним. Ан нас-то не обманешь, мы общество с пониманием да с умом. Мы ей, знамо, не стали говорить, что раскусили-то. Дождались, как в дом-то зайдет, да и подперли дверцу-то камушком. А после уж и подпалили. Так уж вопила злыдня, пока горела, жалостно, что, мол, не убивала она, да нас не проведешь!

Аксель с трудом удержался, чтобы не ударить говорливого орка. Если бы одержимая оказалась столь глупа, что решила вернуться, стены халупы не смогли бы ее удержать – она бы прошла сквозь них и сквозь огонь, даже не заметив препятствия. Можно было не сомневаться: добрые соседи спалили заживо невинную.

Аксель на секунду прикрыл глаза, пытаясь успокоиться. Это было не его дело. О произошедшем он непременно сообщит в муниципалитет, когда закончит свою работу, и, возможно, кто-нибудь пошлет сюда полицию, чтобы найти зачинщиков и наказать, но самого Акселя здесь уже не будет. Сейчас охотник должен был выполнять свою работу, тем более невинных жертв спасти уже нельзя.

– Кто-нибудь еще из соседей пропадал? Еще убийства были?

Взгляд орка забегал из стороны в сторону, потом он поднял на Акселя честные глаза и со всей горячностью заверил:

– Нет, что вы, господин охотник! Совсем никто не пропадал! Все на месте! Я тут всех знаю, меня все знают, уважают, никто не пропадал, никого не убивали больше. Да вы кого хотите спросите, если не верите! – Последнее было сказано с такой искренней обидой, что слезы наворачивались от сочувствия. – А лучше побудьте сегодня моим гостем, а уж завтра утром и домой отправитесь! Вы не подумайте, у меня хороший дом, вам будет удобно! Хороший дом, мягкие ковры, вкусная еда! Вино будем пить! У меня хорошее вино! Кутар врать не будет, это все говорят. – И, видя, что Акселя предложение не заинтересовало, заторопился: – А дочки, какие у меня дочки! Самый сок! Для такого гостя ничего не жалко! А хочешь, – орк как-то незаметно перешел на «ты» и, понизив голос, продолжил: – Хочешь веселой травки? У меня лучшая в городе, это все знают!

Аксель не поверил. То есть насчет качества травки орк, может, и не врал, но эта тема охотника волновала слабо. Невооруженным взглядом было видно, что орк врет насчет того, что в племени никто не пропадал. Очень уж старательно он переводил тему разговора. Только непонятно, зачем ему это? Хочет сохранить или укрепить свой авторитет среди сородичей?

Расспросы остальных жителей ни к чему не привели. Орки просто отказывались отвечать на вопросы – бормотали что-то невнятное, отмалчивались. На человека даже не поднимали глаз, пару раз в спину доносились советы, чтобы он убирался из Орочьего города, что никаких охотников им не нужно, одержимого они убили сами. Только Кутар все никак не хотел отстать – ходил за Акселем как привязанный и периодически пытался позвать охотника в гости, измышляя все более соблазнительные, как ему казалось, развлечения. Охотнику непереносимо хотелось ударить назойливо набивавшегося в друзья негодяя (одно только предложение подложить «дорогому гостю» дочерей вызывало отвращение!), но формально повода у него не было. К тому же молодой человек опасался, что если он не сдержится, местные могут попытаться напасть всем скопом – ожидать от орков можно было чего угодно. Постоянный бубнеж Кутара мешал сосредоточиться. Чутье, и так приглушенное туманом, отказывалось работать, забиваемое глухим раздражением на назойливого орка. Аксель старался почувствовать направление, откуда веяло бы страхом и безысходностью, но ощущал только желание заткнуть говорливую тварь. Аксель пытался отогнать его от себя – сначала просто вежливо прощался, потом просил уйти, орал и угрожал, и Кутар неизменно уходил, униженно кланяясь и извиняясь за то, что помешал охотнику, но не проходило и пяти минут, как он возвращался с очередным дурацким предложением, и все начиналось заново. Акселю даже подумалось было, что Кутар заманивает его к себе в дом, потому что подозревает в одержимости кого-то из родственников, но боится об этом сказать. Он даже, уступив ненадолго уговорам, дошел до жилища орка, но внутрь заходить не стал – присутствия одержимого не ощущалось, ощущалась вонь и грязь, хотя в целом хижина выглядела богаче, чем окружающие ее строения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.